

ЭЛЕНА ЛИН

ДРЕВНЯЯ КРОВЬ

ПРОРОЧЕСТВО

КНИГА 1

18+

Элена Лин

Древняя кровь: Пророчество

<https://litres.ru/73859226>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мэй — изъян своего клана. В пятьсот лет она не может призвать меч, спит на уроках и тайно влюблена в Бога Войны Тэю.

Когда Мэй случайно пробуждает огонь — стихию, чужую для её клана, — её жизнь превращается в гонку. Испытание в лесу смерти, битва за Камень Пробуждения, шаг к мечте. Она выигрывает. Призывает легендарный Меч Дракона. И в этот миг рушится всё, что она знала о себе.

Теперь Мэй — невеста младшего принца Хону по принуждению. Её муж ненавидит её. Богиня Южных Земель мечтает уничтожить. А Тэю, Бог Войны, смотрит так, словно она — его последняя надежда и величайшее искушение.

Но Мэй больше не та девочка, которой можно приказать. В её руках — древняя книга Судьбы. В её прошлом — предательство, за которое кто-то заплатит.

Правда стоит любой цены.

«Древняя кровь. Пророчество» — первая книга трилогии о любви, предательстве, возмездии и о том, как девочка, спавшая на уроках, стала императрицей, которую боятся сами боги.

Элена Лин

Древняя кровь: Пророчество

Глава 1: Клан Персика

Утро на горе Хаоцзи начиналось с тумана.

Он струился между ветвями персиковых деревьев — тысячелетних, с корой цвета закатного неба, — и падал каскадами на каменные ступени павильона Утренней Росы. Тёплый ветер нёс с собой сладкий запах цветущих лепестков, смешанный с горьковатым ароматом культивируемой энергии ци. Здесь, на склонах, где воздух был тяжелее небесного и легче земного, клан Персика вёл свою бесконечную работу: они выращивали не плоды, а потенциал. Возможности. Мечты о бессмертии.

— *В этом мире существуют три царства, —* голос наставника Е Сиджу разливался по залу словно мёд, густой и липкий. — *Боги, вознёсшиеся на девять небес и создавшие там свои владычества. Демоны, что спустились в подземные чертоги и выстроили империю теней. И люди — жалкие, жадные, прекрасные в своём стремлении — что мечтают обрести вечную жизнь и готовы ради неё служить любому из миров.*

Мэй спала.

Не глубоко — так, как дремлют кошки на солнце, — лицом в складки ученической мантии, рука свисала со скамьи, пальцы едва касались полированного пола из лунного камня. Её дыхание было ровным, почти мелодичным. Рядом, в зеркальной позе, сидел Шиу. Он не спал, но и не слушал. Его взгляд застыл где-то в пространстве между лепестком падающего персика и пылинкой, танцующей в луче света.

Наставник Е молча наблюдал за ними минуту. Две. Потом, не отрывая взгляда от свитка, сжал в ладони косточку персика — чёрную, блестящую, заряженную остатками духовной энергии плода — и швырнул.

Шмяк.

— Ай! — Мэй взлетела на пол-аршина, хватаясь за лоб. Косточка отскочила и ударила Шиу в виски. — Наставник! За что?!

— За глупость, — Е Сиджу наконец оторвал взгляд от свитка. Его глаза — цвета выцветшего нефрита — смотрели с ленивым раздражением. — За то, что вы оба, прожив пять веков, так и не научились притворяться, будто слушаете.

— Но я слушала! — Мэй растирала ушибленное место, щёки пылали. — Я визуализировала! Всё, что вы говорили, я видела внутри, в сердцевине разума, как учит древняя техника Шэнь-инь...

— Твое сопение, — холодно перебил наставник, — было слышно за три ли. И если бы ты действительно визуализировала, ты бы знала: клан Дракона погиб не на месте нашей

горы, а в долине Забвения, в трёхстах ли отсюда. Мы лишь выросли на костях их влияния, не на костях их тел.

Смех одноклассников прокатился волной. Кто-то хлопнул в ладоши. Шиу молча потёр виски и снова уставился в окно, словно ничего не произошло.

— После занятий, — наставник вернулся к свитку, голос стал безразличным. — Уборка. Оба.

Когда последний ученик вышел, в павильоне повисла тишина — не пустая, а наполненная шелестом персиковых листьев за окнами и далёким гулом водопада, питающего горные источники. Мэй сидела на корточках, отжимая тряпку в ведре с ароматной водой, в которой плавали лепестки цветов.

— Зачем мы вообще тратим века на это? — она бросила тряпку, брызги полетели на пол. — Слушать одно и то же, вытирать одни и те же столы, притворяться, что мы...

— ...обычные? — Шиу протирал доску методичными круговыми движениями. Его движения были экономичными, точными — как у бойца, хотя он никогда не дрался. — Ты не заставляла меня ходить сюда, Мэй. Я сам выбрал.

— Выбрал спать?

— Выбрал быть рядом. — Он пожал плечами, не глядя на неё. — Кто-то же должен будить тебя, когда наставник метает косточки.

Мэй фыркнула, но улыбка тронула губы. Она встала, раз-

мыв затёкшие ноги, и подошла к окну. Сквозь ветви персиков виднелась вершина соседней горы — там, за облаками, находился Дворец Судьбы. Место, куда она стремилась всеми фибрами души, не зная почему.

Тысяча лет назад здесь правили Драконы.

Мысль пришла неожиданно, словно чужая. Мэй поёжилась. Последние недели сны стали странными — огромные залы, чёрный мрамор, голоса, говорящие на языке, который она не должна была понимать, но понимала. И пламя. Всегда пламя.

— Мэй? — Шиу стоял у двери, ведущей в сад. — Ты опять ушла. Возвращайся.

Она кивнула, но вместо того чтобы последовать за ним, повернулась к наставнику. Е Сиджу собирал свитки у кафедры, его движения были медленными, почти церемониальными — как у жреца, закрывающего алтарь.

— Наставник.

— Надеешься откупиться от уборки знанием? — он не обернулся. — Пробовала уже.

— Нет. Я хочу спросить... — Мэй сглотнула. Горло внезапно пересохло. — Вы говорили, что клан Дракона исчез. Что мы не знаем, были ли они добрыми или жестокими. Но разве правда не важнее легенд?

Е Сиджу замер. Его пальцы застыли над свитком.

— Правда, — произнёс он тихо, — это то, что выживает. А выживают сильнейшие. Императорская семья выжила.

Значит, их версия — правда.

— Но император хранил чешую Главы клана Драконов, — Мэй шагнула ближе, голос дрожал от возбуждения. — Говорили, что они были близкими друзьями. Что Глава Драконов отдал свою силу добровольно, чтобы создать печать для сдерживания Короля Демонов. Если они были врагами — зачем жертвовать собой?

Наставник обернулся. В его глазах — в этих уставших глазах — Мэй увидела что-то странное. Не гнев. Не снисхождение. Страх?

— Откуда ты знаешь о чешуе? — голос стал шёпотом. — Это знание доступно только старшим культиваторам, приближённым к...

— Я читала, — Мэй отвела взгляд. — В библиотеке. В секторе запретных текстов. Я... пробралась туда ночью.

Тишина повисла, тяжёлая и липкая. Потом Е Сиджу рассмеялся — коротко, без радости.

— Конечно. Пробралась. — Он поднял руку, и Мэй вздрогнула, ожидая удара или заклятия молчания. Но ладонь легла ей на макушку — тяжело, тепло, почти отцовски. — Ты напоминаешь мне кое-кого, Мэй. Из тех, кого уже нет.

— Кого?

— Прибирайся, — он отдернул руку, снова стал наставником, а не человеком. — И больше не лезь в сектор запретных текстов. То, что спит, не всегда хочет быть разбуженным.

Крик разорвал воздух за окном:

— Бог Войны! Бог Война Тэю идёт к старшим ученикам!
Мэй застыла. Сердце — это жалкое, предательское сердце
— сделало сальто и остановилось.

— Мэй! — голос Шиу из сада был отрезвляющим холодным душем. — Нам нельзя! Мы не старшие!

Она уже бежала.

Задний двор павильона Утренней Росы превратился в море людей. Старшие ученики — в белых мантиях с серебряной вышивкой степеней — толпились у ринга, глаза горели, дыхание сбивалось. В воздухе висел запах перегретой энергии ци — кто-то из них пытался культивировать, не в силах сдержать волнение, и чуть не спалил себе меридианы.

Мэй протиснулась сквозь плечи, локти, гневные шёпоты. Она была мала, незаметна, пятисотлетняя ученица, которая не могла призвать собственный меч. Но она должна была видеть. *Должна.*

И увидела.

Он стоял в центре ринга, и земля под его ногами — чёрный базальт, древний, пропитанный кровью тысячелетних поединков — словно светилась изнутри. Не от солнца. От него.

Тэю.

Бог Войны.

Его доспехи были цвета ночи без луны, поглощающие свет, но на груди — там, где должно было быть сердце — горела эмблема: золотой дракон, закованный в цепи. Его воло-

сы, собранные в высокий пучок, были чернее ворона, а кожа — бледной, почти прозрачной, словно он не принадлежал этому миру полностью. Но глаза...

Глаза были цвета охотничьего нефрита — того самого, что добывали в глубинах гор Хаоцзи до появления клана Персика. Холодные. Внимательные. Смотрящие сквозь толпу прямо на неё.

Нет. Мэй замерла, забыв дышать. *Он не может... я же в самом конце...*

— Вечно, — голос Шиу рядом, рука на её запястье, железная, неотвратимая. — Как только его видишь — забываешь, что нужно дышать. Давай, пока никто нас не заметил.

— Нет, — она прошептала, не отрывая глаз. — Шиу, пожалуйста. Ещё минуту. Он же говорит...

— Он говорит со старшими. О боевых техниках. О маршрутах ци в меридианах. — Шиу тянул её назад, сквозь толпу, сквозь гнев и зависть. — Ты не услышишь ничего, что не читала в запретных текстах. А если нас поймают...

— Я хочу быть как он, — Мэй сказала это вслух, впервые, и слова обожгли губы. — Не сильной. Не великой. Я хочу быть *рядом*. Чтобы он видел меня. Чтобы...

— Чтобы что? — Шиу остановился, и в его голосе впервые зазвучало что-то острое, почти болезненное. — Ты пятисотлетняя ученица клана Персика, Мэй. Он — бог, рождённый из звёздной пыли и крови императорского рода. Между вами пропасть глубже, чем между небесами и адом.

Мэй посмотрела на него. Правда в глазах друга была жестокой, но она не отступила.

— Тогда я построю мост. Камень за камнем. День за днём. — Она вырвала руку, но не побежала обратно к рингу. Повернулась к воротам. — Через четыре часа — западные врата. Не опаздывай, Шиу. Императорская семья не терпит опозданий, даже от тех, кто охраняет их сны.

Дом Мэй пах персиками и старой бумагой.

Не роскошный — клан Персика не богат, — но полный тепла. Мать встретила её у порога, сразу заметив пятно от косточки на лбу.

— Опять наставник Е?

— Он метает точно, — Мэй улыбнулась, позволяя матери снять с плеч сумку с учебными свитками. — Я бы взяла его в стражники, вместе с собой.

— Голодна? — мать вела её в гостиную, где на низком столике уже дымился чай — зелёный, с лепестками османтуса, традиционный для клана. — Отец скоро вернётся. Сегодня он заканчивал ремонт печати на южном склоне.

Мэй кивнула, но её мысли были далеко. В голове крутились образы: чёрные доспехи, нефритовые глаза, рука наставника на её голове — тёплая, тревожная. И сны. Всегда эти сны.

— Мэй? — голос отца у двери. Он был в рабочей мантии, в руках — ящик с инструментами культиватора: кисти для

рисования талисманов, ножи для очистки духовных камней, пинцеты для работы с меридианами. — Ты как будто далеко.

Она поднялась, обняла его — пахло горячим металлом и энергией ци, этой особенной горечью, что остаётся на руках тех, кто чинит печати.

— Папа, — она отстранилась, глядя ему в глаза. — Я пытаюсь. Каждую ночь, каждое утро. Но меч Лозы... он не отвечает. Я чувствую его внутри, в сердцевине, но когда пытаюсь призвать...

Она махнула рукой, и ничего не произошло. Только лёгкий ветерок, принесённый из сада, тронул занавески.

Отец и мать переглянулись. В их взглядах — та же тревога, что у наставника Е. Но здесь, в доме, она была смягчена любовью.

— Ты не как все, — отец положил ладони ей на плечи. Его ладони были шершавыми, с шрамами от ожогов ци. — Мы знаем это с твоего рождения. Когда ты появилась на свет, все персиковые деревья на горе зацвели зимой. Наставники сказали — аномалия. Совпадение.

— Но вы не поверили, — Мэй улыбнулась сквозь комок в горле.

— Мы надеялись, — мать подошла сзади, обняла обоих. — Надеялись, что ты найдёшь свой путь. Не путь Персика, а свой собственный.

— А если его нет? — голос Мэй дрогнул. — Если я... сломана? Если мои меридианы не принимают ни один из извест-

ных стилей?

Отец молчал долго. Потом достал из кармана мантии что-то маленькое, завёрнутое в шёлк цвета крови.

— Это... не совсем законно, — он шептал, словно стены могли слушать. — Я нашёл это в архивах, в разделе, который должен был быть уничтожен тысячу лет назад. Техника, запрещённая после... после исчезновения клана Дракона.

Мэй развернула ткань. На ладони лежала чешуя — небольшая, размером с монету, чёрная как смоль, но при повороте переливающаяся всеми цветами пламени.

— Это...

— Не знаю, — отец закрыл её пальцы над чешуёй. — Но она может помочь в культивации. Пробуй. Осторожно. И никому — *никому* — не показывай.

Мэй сжала чешую в кулаке. Она была тёплой, почти горячей, и в груди — там, где должна была быть сердцевина ци — что-то откликнулось. Что-то древнее. Что-то спящее.

В окне за спиной отца пролетела тень — большая, крылатая, исчезнувшая за горизонтом прежде, чем Мэй успела обернуться.

Сон, — сказала она себе. *Только сон.*

Но чешуя в ладони пульсировала, словно второе сердце.

Глава 2: Звезда Перерождения

Западные врата возвышались над пропастью, словно челюсти древнего бога, застывшие в агонии. Два каменных

столба — каждый выше десяти человеческих ростов — были высечены из горной породы, которая не имела названия в современных текстах. Только пятна темнее основного цвета, похожие на застывшие капли, намекали: здесь кровь впитывалась тысячелетиями.

Мэй сидела на северном пьедестале, Шиу — на южном. Между ними пропасть шириной в три прыжка, соединённая только цепями из чистого серебра, что звенели на ветру мелодией, способной убаюкать демона. Они молчали уже два часа.

Тишина была не пустой. Она пульсировала — от обиды Мэй и от неловкости Шиу, которая от него исходила волнами, почти осязаемыми для того, кто умеет чувствовать чужую ци.

Она всё ещё злилась. На его слова о пропасти между ней и Тэю. На правду, которую он высказал вслух, а она — только в ночных молитвах.

Прости, — хотел сказать Шиу. Но горло сжало гордость, как воротник доспеха.

Шаги раздались неожиданно — не с тропы, ведущей к дворцу, а снизу, из самих облаков. Лестница, что висела вниз к клану Персика, должна была быть пуста в это время ночи. Но шаги множились: металлический звон доспехов, шелест шёлка, тяжёлое дыхание телохранителей, привыкших к бою, а не к ходьбе.

Шиу двинулся быстрее мысли.

Он встал между Мэй и источником звука — не защищаясь, а атакуя пространство своим присутствием. Правая рука взметнулась вверх, пальцы сложились в печать «Пробуждения», и воздух задрожал.

Приди.

Меч Лозы материализовался из пустоты — не медленно, как учили в академии, а взрывом. Дерево ядовитого персика, красное как закат над полями битвы, вспыхнуло огнём, который не жёг, а резал взгляд. Клинок был длиннее обычного, с изгибом, напоминающим улыбку хищника.

— Кто здесь? — голос Шиу не дрогнул, хотя сердце колотилось в горло. — Выходи. Или я вытащу тебя за ногу из тумана.

Облака расступились, словно их раздвинула невидимая рука.

Мужчина стоял на верхней ступени, и его одеяние говорило само за себя: индиго с золотой каймой, вышитой символами императорской канцелярии. На груди — печать Смотрителя Врат, дающая право прохода в любой час. Лицо было молодым, но глаза принадлежали старцу, видевшему слишком много церемоний.

— Приклоните колени, — не громко, но ци в голосе заставила воздух сгуститься, давя на плечи. — Императорская семья на подходе.

Мэй опустила на одно колено — так полагалось женщинам при встрече высшей власти. Шиу — на оба, меч Лозы

не исчез, но опустился вниз, коснувшись камня с жалобным звоном.

Они смотрели в пол. Мэй видела только мозаику из лунного камня под ногами — древние узоры, изображающие драконов, несущих небеса на спинах.

Шаги умножились. Тяжёлые, военные — в сапогах с железными подошвами. Лёгкие, почти неслышные — в туфлях из ткани облаков, какие носили советники. И среди них — что-то среднее. Шаги, которые не касались земли полностью, словно ноги их хозяина отталкивались от воздуха.

Золотые подошвы прошли мимо — императорские одеяния, расшитые драконами с пятью когтями, символом абсолютной власти. Мэй видела их краем глаза, пока не заметила его.

Чёрный. Военный. Без золота, без вышивки, без символов ранга — только эмблема на спине, которую она не могла разглядеть с такого ракурса.

Сердце пропустило удар.

Она подняла голову. Не хотела — тело предало разум. Их взгляды встретились.

Тёю шёл третьим в процессии, позади старших советников, но его присутствие поглощало всё пространство. Во дворце он был ослепителен — здесь, в тусклом свете лунных фонарей, он был реальным. Можно было разглядеть шрам на скуле, который академические портреты скрывали. Можно увидеть, как его пальцы лежат на эфесе меча — не готовясь

к удару, а сучая.

Он заметил её взгляд. Удивился — это было видно по лёгкому поднятию брови. Дерзость ученицы, не знающей своего места.

Потом улыбнулся.

Не широко. Не дружелюбно. Улыбка хищника, который нашёл что-то интересное среди травы. Он слегка кивнул — не ей, а самому себе, — и прошёл дальше, за врата, в тень Дворца Созвездий.

Сердце Мэй заколотилось так, что она услышала пульс в висках. В груди — там, где должна была быть сердцевина ци — что-то щёлкнуло. Словно ключ повернулся в замке, открывая дверь, за которой пустота.

Или огонь.

— Вставайте, — голос воина из императорской стражи отрезвил её. — Сегодня ваше дежурство окончено. Мы продолжим охрану.

— Извините, — Мэй поднялась, ноги дрожали. — Почему все собрались в такой час? Дворец Созвездий закрыт для посещений после заката, это...

— Не спрашивай о том, что тебя не касается, — воин был старше её на вид, с сединой в бровях, но его ци была молодой, агрессивной. — Или твоя любопытность сильнее страха?

Она замолчала. Шиу схватил её за запястье — сильнее, чем следовало бы, пальцы впились в точку боли между ко-

стями.

— Мы уходим, — он говорил не ей, а воину. — Прощайте, господин.

Они спускались по лестнице, что вилась вниз, сквозь облака, к горе, где обосновался клан Персика. Мэй шла механически, каждый шаг отдавался эхом в пустоте грудной клетки. Шиу не отпускал её руку, и она не пыталась высвободиться.

Навстречу, выше по склону, поднимался человек в мантии цвета спелого персика — серая кайма на воротнике означала: Глава клана.

Мэй и Шиу склонились в поклоне, глубоко — как полагалось.

— Глава.

— Собрание началось? — голос Главы был усталым, сорванным на криках, которых они не слышали.

— Да, господин. Императорская семья и советники уже внутри.

— Хорошо. Идите домой. Не задерживайтесь на улицах этой ночью.

Он поспешил вверх, мантия развевалась, обнажая сандалии, испачканные грязью с тропы — нечто неприличное для главы клана. Мэй заметила это. Заметила, как он сжимал в левой руке амулет защиты — тот, что носили только при угрозе демонических нападений.

— Глава, — она шагнула вперёд, голос вырвался раньше

разрешения. — Почему все собрались? Что случилось?

Глава остановился. Не обернулся. Когда он говорил, голос доносился из тьмы, в которую он уже уходил:

— Владыка Звёзд созвал совет. На небе зажглась Звезда Перерождения. Дурной знак. Дурной...

Он исчез за поворотом. Шаги затихли.

Мэй и Шиу стояли на лестнице, зажатые между небом и землёй. Ветер принёс запах грозы — несвоевременной, невозможной в это время года.

— Звезда Перерождения, — прошептал Шиу. — Никогда не слышал.

— Я слышала, — Мэй не осознавала, что говорит, пока слова не вырвались. — В запретных текстах. Звезда, что горит там, где не должно быть света. Звезда, предвещающая...

Она замолчала. Предвещающая что?

Они спускались молча. Каждый шаг отдалял от дворца, но приближал к чему-то другому — тому, что уже двигалось к ним из глубин ночи.

Дом встретил её тишиной. Мать спала тяжёлым сном. Отец был в кабинете, но свет под дверью был не жёлтым, как обычно, а зеленоватым — цвет защитных талисманов, активированных без нужды.

Мэй постучала. Вошла.

— Папа, — она села напротив, не дожидаясь приглашения. — Ты слышал о Звезде Перерождения?

Книга в его руках захлопнулась с глухим ударом. Облож-

ка — кожа неизвестного зверя, страницы — пергамент, не принимающий чернил современного производства.

— Откуда... — он начал, потом покачал головой. — Глава сказал?

— Да. Что это значит?

Отец встал. Подошёл к окну, закрытому не тканью, а пластинами из светящегося камня — роскошь, которую они не могли себе позволить. Роскошь, появившаяся недавно.

— Звезда Перерождения, — его отражение в камне было искажённым, старым. — Это не астрологический термин, Мэй. Это эвфемизм. Дипломатическая ложь.

— Для чего?

— Для того, что нельзя назвать вслух. — Он обернулся, и она увидела страх. Настоящий, не отфильтрованный учтивостью. — Звезда восходит, когда в мир возвращается то, что должно было умереть. Клан. Сила. Кровь. Месть, заключённая в плоти.

— Вся императорская семья...

— Потому что боятся, — отец подошёл ближе, опустился на стул. — Мэй. Не лезь во все это. Не копай глубже. Мы простой клан, а это дела императорской семьи. Мы к этому никакого отношения не имеем.

Она еще что-то хотела спросить, но крик разорвал воздух снаружи — не человеческий, птицеподобный, но низкий, гулкий, как будто горы заговорили.

Отец вздрогнул. Встал. Стал снова отцом, а не испуган-

ным мужчиной.

— Иди отдыхай, — голос был ровным. — Спокойной ночи, Мэй.

— Спокойной ночи, папа.

Она вышла. Но не пошла в спальню.

Вода в купели была горячей — почти обжигающей, — постоянна на лепестках магнолий, что росли только в садах императорского дворца. Мать получила их в подарок десять лет назад, за исцеление советника. С тех пор куст давал цветы раз в год, и каждый раз мать использовала их для ванны дочери — ритуал, который не объяснялся словами.

Мэй лежала, погружённая по подбородок, пар поднимался, скрывая стены комнаты за серебряной пеленой.

В правой руке — чешуя.

Она пульсировала. Не металлически, а... живо. Словно второе сердце, перебивающее ритм её собственного. В темноте закрытых глаз Мэй видела огонь — не из снов, а настоящий, танцующий на поверхности чешуи, отражающийся в зрачках невидимого зрителя.

Дитя.

Она вздрогнула. Вода всплеснула.

Голоса не было. Только ощущение — массивное, древнее, голодное — что кто-то смотрит сквозь пространство и время прямо на неё. Сквозь чешую в её ладони.

Мэй открыла глаза.

Пар сгустился. На стене, там где должна была быть тень от

светильника, двигалось что-то другое. Контуры, похожие на крылья. На хвост. На челюсти, способные разрушить гору.

Она не крикнула. Не убежала. Сжала чешую сильнее, почувствовав, как она впивается в кожу, впитывая кровь — её кровь.

— Где ты? — прошептала она в пар.

Ответом был ветер, доносившийся сквозь закрытые окна. Ветер, пахнувший серой и пеплом. Ветер из долины, где тысячу лет назад ничего не росло.

Чешуя вспыхнула — не светом, а теплом, распространяющимся по венам, заполняющим пустоты, где меч Лозы отказывался расти. Мэй почувствовала, как что-то меняется в структуре её меридианов. Не ломается — перековывается.

Она выглянула из купели. Тень на стене исчезла. Но на подоконнике, там, где не могло ничего лежать — стояла мертвая птица. Ворона. Чёрная, как доспехи Тэю.

В клюве — перо. Не воронье, а золотое, с оттенком крови.

Мэй поднялась из воды, не чувствуя холода. Подошла к окну. Птица была мёртвой давно — тело каменное, глаза — пустые впадины. Но перо в клюве светилось собственным светом, слабым, пульсирующим в такт её сердцебиению.

Она протянула руку.

В тот момент, когда её пальцы коснулись пера, раздался звон — не здесь, а внутри, в глубине черепа. Звон колокола, отмеряющего последние секунды перед катастрофой.

И видение — мгновенное, яркое, как удар молнии:

Зал. Чёрный мрамор. Женщина в одеяниях клана Дракона, её лицо скрыто. И мужчина рядом, в доспехах, что плаваются от жара. Они стоят спиной к двери, к чему-то, что приближается. Женщина оборачивается, и Мэй видит её глаза — золотые, с вертикальными зрачками.

— Беги, — говорит женщина, но не ей. Говорит тому, кого держит в руках. Младенцу. — Беги, моё дитя. И не оглядывайся.

Пламя поглощает всё.

Мэй отшатнулась. Перо упало на пол, гаснущее, обычное.

Она стояла голой, мокрой, дрожащей — и чувствовала, как в груди, там, где меч Лозы никогда не отвечал, зарождается другое. Что-то, что не имело имени в языках людей.

За окном, над Дворцом Созвездий, Звезда Перерождения горела яркой кровавой точкой — видимой только для тех, кто знал, куда смотреть.

Глава 3: Танец Лотоса

Утро пришло без предупреждения.

Мэй открыла глаза и сразу поняла: что-то изменилось. Не в комнате — в ней самой. Воздух, который она вдыхала, казался... слишком лёгким, слишком бедным. Словно она привыкла дышать чем-то более плотным, более живым.

Сны преследовали её всю ночь. Огненный зал, золотые глаза женщины, крик «Беги!» — всё это крутилось в голове, оставляя ощущение песка за веками. Но сейчас, в сером

свете рассвета, она вспомнила другое. Жди. Приближается час пробуждения.

Чешуя лежала на подушке рядом — она не помнила, чтобы клала её туда. Чёрная, как смоль, но сейчас, в полутьме, она излучала слабое тепло. Пульсировала. Ждала.

— Мэй? — голос матери за дверью. — Дорогая, вставай. Шиу уже здесь. Говорит, у вас сегодня... тренировки.

Тренировки. Слово прозвучало странно, словно из другой жизни. Мэй медленно села, почувствовав, как кости в спине перестраиваются с хрустом, непривычным для пятисотлетней культиваторши. Она посмотрела на руки — те же, но другие. Вены на запястьях казались темнее, почти фиолетовыми, и когда она сжала кулак, в груди отозвалось что-то тяжёлое.

Лучи солнца проникли через витражное окно — не просто свет, а каскадами цвета: янтарь, лазурь, кровавый закат. Они упали в чашу для умывания, и отражения заплясали по потолку, ложась прямо на лицо Мэй. Она не щурилась. Не двигалась. Смотрела, как свет проникает в её зрачки, и чувствовала, как что-то внутри — то, что проснулось вчера ночью — отзывается на тепло.

— Мэй!

— Иду, мама.

Она встала, и тут же пошатнулась. Голова закружилась, в глазах вспыхнули искры — не золотые, как у нормальных культиваторов при перенапряжении ци, а красные, с чёрным

сердцевиной. Мэй схватилась за стол, выдохнула, попыталась найти равновесие.

Сдерживайся, — приказала она себе. Не сейчас. Не здесь.

Шиу ждал у ворот, опираясь на ствол персикового дерева. Он был в простой одежде — серо-зелёной, как у всех учеников клана, — но что-то в его позе было иным. Напряжённым. Он смотрел на горы, а не на дорогу, и когда Мэй вышла, он обернулся слишком быстро, словно её присутствие ударило по меридианам.

Их взгляды встретились.

Вчерашняя тишина между ними — тяжёлая, полная невысказанного — растаяла. Но не исчезла полностью. Она превратилась во что-то другое, что-то, что Мэй не могла назвать, но чувствовала кожей.

— Ты выглядишь... — Шиу начал, потом замолчал. Подошёл ближе, склонил голову, вглядываясь в её глаза. — Ты не спала?

— Не спала.

Ложь. Она обеими руками сжимала чешую, спрятанную в рукаве. Тепло от неё расползлось по телу, успокаивая странное беспокойство, но не устраняя его полностью.

Мать выглянула из дверей, и её лицо сразу стало серьёзным:

— Куда ты так нарядилась?

Мэй оглядела себя. Она выбрала платье нежно-голубого цвета — шёлк с вышивкой серебряными нитями, подарок на

двухсотлетие. В клане Персика такое носили только на церемонии. Но сейчас, в свете утра, ткань переливалась странным образом, словно в ней плавали чешуйки, а не цветы.

— В мир смертных, — тихо сказала Мэй. — Фестиваль фонарей.

— Ты знаешь наше мнение...

— Я знаю, — Мэй подошла, поцеловала мать в щёку. Не отступая. — Но мне нужно. Сегодня. Пожалуйста.

Мать посмотрела на неё — долго, пристально, словно видела что-то новое. Потом вздохнула:

— До полуночи. И Шиу...

— Со мной она не пропадёт, — он улыбнулся — той самой ленивой улыбкой, что разряжала любую ситуацию. — Обещаю, тетушка.

— Вы оба безнадежны, — мать махнула рукой, но в глазах — тревога, которую она не могла скрыть. — Будьте осторожны. Что-то... чтобы ничего не произошло.

Мэй кивнула, не спрашивая подробностей. Она знала. Она чувствовала то же самое — гул в костях, зов в крови.

Площадь перемещения кипела.

Сотни небожителей — от простых учеников в серых мантиях до знати в одеяниях, способных прокормить целый город смертных — толпились у круглых платформ. Символы на камне пульсировали, поглощая тех, кто стоял в очереди, и высвобождая её в виде световых столбов, уносящих путников вниз, в мир людей.

— В этом году больше народу, — Шиу огляделся, его рука лежала на эфесе меча Лозы — не готовясь к удару, а по привычке. — Что-то случилось?

— Всегда случается что-то, — Мэй пожала плечами, но её взгляд скользил по толпе. Искал. Что? Она не знала.

Они двинулись к менее загруженной платформе, когда Мэй споткнулась.

Не о камень — о воздух, который вдруг сгустился, став твёрдым, как стена. Она упала вперёд, руки автоматически вытянулись для защиты, но столкновения не произошло. Вместо этого — запах. Свежесть после грозы, но без намёка на влагу. И под ней — что-то горячее, почти обжигающее, словно стоять рядом с кузницей, где куют мечи из звёздного металла.

Мужчина стоял перед ней, уже отступив на шаг. Его лицо было скрыто маской — простой, чёрной, без украшений, — но одежда говорила сама за себя. Тёмно-синий шёлк, оттенок глубокой воды в безлунную ночь, вышитый серебром в узорах, которые Мэй не узнала. Не стиль клана Персика. Не стиль императорского двора. Что-то иное.

Он уже обходил её, когда что-то упало — звон металла по камню. Мэй опустила глаза: подвеска на чёрном шнурке, нефрит тёмно-зелёного цвета, с резьбой в виде... она моргнула. В виде цепей, опутывающих неизвестный символ.

Она подняла её, протянула:

— Вы уронили...

Но место было пусто. Люди текли мимо, словно он никогда не стоял там. Только запах остался — и подвеска в её ладони, тёплая, почти горячая.

Шиу поднял её, разглядывая:

— Печать императорской канцелярии. Высшего уровня.

— Он нахмурился. — Но так нагло... даже не извинился.

— Неважно, — Мэй сжала подвеску в кулаке. Она пульсировала в такт её сердцебиению. — Пойдём.

Они ступили на платформу. Символы вспыхнули — ярко, болезненно, и Мэй зажмурилась, сжимая руку Шиу. Перемещение было необычным: обычно — мгновенное погружение в темноту и выход в свет. Но сейчас, в промежутке, она видела — огромное тело, скрученное кольцами, золотые глаза, открывающиеся во тьме.

Жди, — прошептал голос, тот же, что вчера. Приближается.

Она выскочила из света, задыхаясь, чуть не упав. Шиу поймал её за локоть:

— Мэй?

— Ничего, — она откашлялась, улыбнулась слишком широко. — Просто... голова закружилась.

Они стояли в переулке Дэнку — города, который не менялся веками. Те же каменные стены, покрытые мхом. Те же вывески с иероглифами, выцветшими от солнца и дождя. Но дальше, за углом — жизнь. Музыка. Смех. Тысячи фонарей, уже зажжённых, несмотря на ранний час, их свет отражался

в лужах после вчерашнего дождя.

— Наконец-то, — Шиу вдохнул полной грудью, и его лицо изменилось — стало моложе, свободнее. — Пойдём к тетушке Вэй? Или сразу к чтецам?

— Булочки, — Мэй сказала автоматически, но её рука всё ещё сжимала подвеску в кармане. — Потом чтецы.

«У тетушки Вэй» пахло корицей и счастьем.

Маленькая лавка, выходящая на канал, где плавали лодки с фонарями в форме лотосов. Мэй и Шиу сели за столик на улице, их ноги касались друг друга под скамейкой — не случайно, но и не намеренно. Просто так сидели всегда.

— Две порции сладких, — Шиу поднял руку, и голос его задрожал.

Мэй подняла глаза.

Девушка, несущая поднос, была... иной. Не красивой в обычном смысле — её черты были неправильными, слишком широкий рот, слишком узкие глаза. Но когда она улыбнулась, склоняясь, чтобы поставить чашки, вокруг неё словно повисло свечение. Жизнь. Тепло. Что-то, чего не было у небожителей, культивирующих бессмертие.

— Спасибо, госпожа, — Шиу не отрывал глаз.

Девушка смутилась, её щёки залились румянцем, и она поспешила прочь, споткнувшись о порог.

— Ты чуть не съел бедную девушку, — Мэй ткнула его вилкой в бок.

— Ты видела? — он наконец отвёл взгляд, и в его глазах

было нечто такое, от чего Мэй внезапно захотелось отвести свой. — ... она...

— Богиня? Или демоница? — Мэй усмехнулась, но звук вышел резким. — Выбери одно.

— Она живая, — Шиу сказал это так, словно открыл истину. — В отличие от нас. От наших идеальных лиц и вечной молодости. Она...

— Она умрёт через пятьдесят лет, — Мэй перебила, и тут же пожалела. Она не хотела быть жестокой. Но с ним она могла быть искренней.

Они доели молча. Шиу оставил на столе серебряный слиток — слишком много, в десять раз больше стоимости, — и они пошли к Дому Искусств.

Здание возвышалось, словно выросло из земли, а не построено. Три этажа, каждый — в своём стиле: нижний — строгий, мужской, с колоннами из чёрного дерева; средний — воздушный, с балконами, увитыми цветами; верхний — скрытый, закутанный в шёлковые занавеси, что развевались на ветру, хотя ветра не было.

Стража у входа — не люди. Нанятые демоны низшей расы.

— Вход только для мужчин, — голос был каменным грохотом.

— Что? — Мэй шагнула вперёд. — Я была здесь сто раз. Здесь слушали истории, читали стихи. Это был Дом Слова! — Теперь Дом Танца. Правила изменились.

Шиу достал золотой слиток.

Демон склонил голову:

— Ты можешь пройти. Она — ждёт здесь.

Мэй чувствовала, как кровь приливает к лицу. Не от стыда — от гнева. От того, что её исключают, отодвигают, делают невидимой. Она уже хотела развернуться, уйти, найти другой путь...

И увидела.

С западного крыла, из-за угла, выходили девушки. В платьях, похожих на её — голубых, с серебром. Их вели через боковые ворота, и никто не спрашивал приглашений.

— Шиу, — она схватила его за рукав. — Иди внутрь. Я найду тебя.

— Мэй, это опасно. Если поймают...

— Я найду тебя, — она повторила, и в её голосе было что-то новое. Не просьба. Приказ.

Шиу посмотрел на неё — долго, словно видел впервые. Потом кивнул:

— Если что у моста Судьбы. Через час.

Он прошёл внутрь, и дверь закрылась за ним с глухим стуком, отделяющим миры.

Мэй трансформировала одежду — не полностью, только цвет и детали. Теперь она выглядела как служанка Дома Танца, в простом платье с вышитым лотосом на груди. Она присоединилась к группе девушек у боковых ворот, и никто не обратил внимания. Слишком суматошно. Слишком много подготовки.

Внутри — хаос, пахнувший духами и потом.

— Госпожа Фужи пропала! — кричала старшая, женщина с лицом, измученным веками управления. — Центральная партия! Кто-нибудь видел её?

Тишина. Переглядывания. Потом — все глаза на Мэй.

Она стояла в конце, неподвижная, и чувствовала, как что-то движется внутри. Не ци — другое.

— Я заменю её, — сказала Мэй, и голос её звучал чуждо. Низко. Она сама не верила, что произнесла это.

Старшая подошла ближе, вглядываясь:

— Ты справишься с «Танцем Лотоса»? Это не просто движения. Это...

— Я знаю, — Мэй перебила. — Дайте мне вуаль.

Зал был полон.

Не таким, каким она его помнила — тихим, утончённым, где слушали поэзию под чай. Теперь это была арена чувств. Мужчины за низкими столами — богатые, это было видно по тканям, по запахам редких духов, по тому, как они держали себя, словно мир принадлежал им. Девушки танцевали среди них, не на сцене — внутри толпы, даря прикосновения, взгляды, обещания.

Мэй стояла на возвышении, в центре, и чувствовала сотни глаз. Но искала только одни — Шиу. Она нашла его у западной стены, и его лицо было белым от ужаса и восхищения.

Музыка началась.

Не инструменты — голоса. Десяток певцов, создающих

гармонию, что вибрировала в костях. И Мэй начала.

Она не думала о шагах. За сотни лет ее тело до автоматизма изучило все танцы цветов. Она кружилась, и лепестки лотоса сыпались с купола — настоящие, белые, пахнущие жизнью, — обволакивая её вихрем. Её руки рисовали в воздухе символы, которые она не учила — они пришли из снов, из видений, из крови.

Она была прекрасна. Она была чужой.

Она увидела и его.

Тот же мужчина в тёмно-синем. Он сидел в полумраке за столом у северной стены, один, хотя вокруг текли девушки. Он не смотрел ни на кого, лишь оглядывался по сторонам.

Мэй направилась к нему. Она знала, что он небожитель и играть в эту игру рядом с ним было безопаснее всего. Он до последнего момента не замечал ее, пока она не встала на колени перед ним, устремив взгляд прямо на него.

Она протянула руку — его подвеска. Нефритовые цепи, опутывающие пустоту.

Он замер. Потом поднял глаза, и Мэй увидела их цвет — серебристый, почти прозрачный, с отблесками, словно в них отражалось что-то далёкое.

Теперь она была уверена. Этот парень с императорского дворца.

Он схватил её за запястье — не больно, но неотвратно. Его пальцы были ледяными, пронизывающими, и Мэй почувствовала, как он проверяет её. Его ци — мощная, древ-

няя, чуждая — ворвалась в её меридианы, ища что-то.

Нашла?

Глаза его сузились. Он открыл рот, чтобы сказать...

— Отпусти её! — голос Шиу разрезал музыку.

Он стоял рядом, меч Лозы уже в руке, огонь на клинке — не красный, как обычно, а белый, от температуры, что плавил бы сталь.

Мужчина в синем не отпустил Мэй. Посмотрел на Шиу, и в его взгляде — не гнев. Усталость. И что-то похожее на... разочарование?

— Ты не понимаешь, — сказал он, и голос его был двойным, словно говорили двое. — Кому ты это говоришь...

— Я сказал — отпусти!

Шиу замахнулся. Не для удара — для защиты, оттолкнуть, отрезать.

Мужчина в синем взмахнул рукой — легко, словно отгоняя муху, — и Шиу отлетел на три аршина, врезавшись в стол. Дерево треснуло, посуда разлетелась, крики поднялись.

Но Мэй не видела. Она смотрела на мужчину в синем, на его глаза — серебристые, как лунный свет на лезвии, — и чувствовала, как в груди что-то отзывается.

— Кто ты? — прошептала она.

Он улыбнулся. Горько. Скорбно.

— Тот, кто следит за порядком, — он наконец отпустил её запястье, и на коже остался след — не ожог, а узор, замороженный, быстро бледнеющий.

Он исчез. Вместе с подвеской.

Шиу поднялся, шатаясь. Его меч погас, не выдержав контакта с чужой силой.

— Мэй, — он схватил её за плечи, трясёт. — Ты в порядке?

Она не отвечала. Смотрела на след оставшийся на руке.

— Мы уходим, — сказала она, и её голос был твёрдым, чужим. — Сейчас.

Они бежали, пока стража не перекрыла выходы. Пока крики не превратились в погоню.

Мэй сложила печати, взяла руку Шиу и они переместились за город, на окраину, где возвышалась гора, с которой город был, как на ладони.

Фейерверк начался внезапно — с раската, что покатились по горам, и вспышки, что превратила ночь в день. Мэй и Шиу подняли головы, и их лица озарились золотым светом.

— Кажется, мы ещё ни разу не видели фейерверки так близко к небу, — сказал Шиу, и в его голосе была чистая, незамутнённая радость.

Мэй засмеялась — легко, по-детски, словно забыла о мужчине в синем, о странном следе на запястье, о голодном взгляде серебристых глаз.

— Это говорит тот, кто живёт на небе.

— Ну серьёзно, — он повернулся к ней, указывая на долину под ними. — Смотри. Это же прекрасное место. Предлагаю сделать его нашим — для просмотра фейерверков.

— Согласна, — Мэй кивнула, закидывая голову назад, чтобы найти лепесток падающего огня. — Запомни эти слова, Шиу. Через сто лет придём сюда снова.

— Договорились.

Они стояли бок о бок, плечом к плечу, и смотрели, как небо горит и гаснет. Для Мэй этот момент был как сладкая булочка у тетушки Вэй — простое, незаслуженное счастье, которое не нужно анализировать, только принимать.

— Мэй, — голос Шиу стал серьёзным. Он схватил её за запястье, повернул ладонью вверх. — Что это за пятно?

Она взглянула. След от пальцев мужчины в синем — едва заметное побеление кожи, словно от прикосновения льда. Уже почти исчезло.

— Не знаю, — она пожала плечами, натянула рукав. — Ушиблась, наверное, когда бежали. Пройдёт.

— Странный ушиб.

— Ты врач теперь? — она ткнула его локтем в бок. — Кстати говоря, императорская семья же родом с северных земель?

Шиу отвлёкся, как и хотела Мэй.

— Верно. Клан Северных Лис. Почему спрашиваешь?

— Думаешь, тот парень...

— Надеюсь, что нет, — Шиу поморщился. — Иначе мой импульсивный поступок с мечом может стоить нам обоим голов. Императорская семья не церемонится с теми, кто угрожает их приближённым.

— Приближённым? — Мэй приподняла бровь. — Он вел себя так нагло, что даже не извинился. Вряд ли высокопоставленный.

— Высокопоставленные как раз не извиняются, — Шиу усмехнулся. — Но ты права, скорее всего, просто служака с зазнайством.

Мэй похлопала его по плечу, смеясь:

— Вот и успокоился. А теперь поймай-ка ты меня!

Она побежала, заливаясь смехом, и он побежал следом, угрожая, что защекочет до смерти. Они гонялись друг за другом по склону, спотыкались о камни, катились в траву — два пятисотлетних ребёнка, забывших о времени, о долге, о грозящих опасностях.

Пока Шиу не вспомнил.

— Мэй! Срочно! — он остановился, тяжело дыша. — Мама дала нам до полуночи!

Она схватила его руку, и они, всё ещё смеясь, сложили печати. Перемещение увезло их прочь от горы, от фейерверков, от беззаботного вечера — обратно в мир, где время считалось, а поступки имели последствия.

Мать сидела в гостиной с веером в руках — сложенным, спокойным. Но её взгляд, когда Мэй вошла, был достаточно красноречивым.

— Ты готова к наказанию?

Мэй сложила руки перед собой — смиренно, но с лукавой улыбкой.

— Прости, матушка. Но фейерверки были такие красивые... Мы совсем забыли о счёте времени.

— Ты знаешь, как я переживала.

— Знаю, — Мэй подошла, поцеловала мать в щёку — тёплую, пахнущую персиками. — Прости. Обещаю, ближайшие сто лет — ни ногой к смертным.

— Какая хитрая, — мать фыркнула, но губы её дрогнули в улыбке. — Вы каждые сто лет бегаєте в тот мир.

— Хорошо-хорошо, — Мэй уже отступала к двери. — Я так устала, пойду спать. Спокойной ночи, матушка!

Она выскользнула, не дожидаясь ответа, и побежала по коридору, подпрыгивая от лёгкости. Комната встретила её тишиной и запахом любимых благовоний.

Мэй упала на кровать, не раздеваясь, и закинула руки за голову. В лунном свете она рассматривала запястье — след почти исчез, осталось лишь едва заметное побеление. Ничего страшного. Ушиб. Случайность.

Но перед сном, в той полудреме, где мысли путаются с грёзами, она вспомнила его глаза. Серебристые. Холодные. Смотрящие не на неё, а сквозь неё, словно искали что-то внутри.

И слова, брошенные в пустоту: «Кому ты это говоришь...»

Мэй перевёрнулась на бок, отогнав назойливую мысль. Завтра новый день. Уроки. Тренировки. Возможно, снова удастся увидеть Тёю издалека.

А сейчас — сон. Беззаботный, как этот вечер.

Глава 4: Огненная Ци

Наставник Е ворвался в класс, словно его гнали волки.

Его парадные одежды — обычно безупречные, с вышитыми иероглифами процветания — были смяты, как будто он спал в них. Волосы, всегда собранные в строгий узел, растрепались. Он двигался быстро, почти бегом, и его пальцы дрожали, когда он клал свитки на кафедру.

— Сегодня я вынужден оставить вас, — голос был резким, отрезанным. — На несколько часов. Ваша задача — культивация.

Класс замер. Наставник Е никогда не опаздывал. Наставник Е никогда не торопился.

— Изучите символ огня, — он не смотрел на них, раскладывая по партам пергаменты. — Тот, кто по моему приходу покажет результат, получит моё разрешение.

— Разрешение? — голос Сию звучал невольно громко. — На что, наставник?

Е Сиджу наконец поднял глаза. В них Мэй увидела что-то странное — не волнение, нет. Ожидание. Словно он смотрел на них и видел не учеников, а ставки в игре, правила которой ещё не объявили.

— Узнаете, когда вернусь, — он сложил пальцы в печать «Распада» и исчез, не оставив даже следов ци.

Тишина повисла, густая и липкая.

— Что это было? — прошептала Сию.

— Совет, — Лешиу повернулся к классу, его лицо было бледным от волнения. — Мой отец — старший архивариус. Он сказал, что сегодня всех наставников вызвали на экстренное заседание.

— И? — Мэй подсела к нему на соседнюю скамью.

Лешиу оглянулся, опустил голос до едва слышного шёпота:

— Испытание за Камень Пробуждения.

Класс ахнул. Кто-то уронил чашку с чернилами — звон разбитого фарфора прозвучал громче, чем должен был.

— Тысяча лет, — Сию схватила Мэй за рукав, пальцы впелись в ткань. — Обычно его разыгрывают раз в тысячу лет. Но последний раз...

— Последний раз это было пять тысяч лет назад, когда на трон сел нынешний император, — закончил за неё Лешиу. — И его сын получил тысячу лет культивации за одно мгновение.

Мэй смотрела на свои руки — тонкие, бледные, неспособные удержать даже меч Лозы. Потом на свиток с символом огня, лежащий на парте.

Тысяча лет.

— Мы должны участвовать, — она сказала это не громко, но класс затих, услышав её голос. — Все мы.

— Ты с ума сошла? — кто-то засмеялся сзади. — Ты даже меч призвать не можешь.

— Но я могу научиться, — Мэй поднялась, свиток в ру-

ках. — Мы все можем. Шиу?

Он сидел за первым столом, не оборачиваясь. Но кивнул — едва заметно, но она увидела.

— Давайте изучать, — она развернула пергамент. — Пока наставник не вернулся.

Символ огня был простым. Слишком простым.

Чёрные чернила на жёлтом пергаменте изображали фигуру, похожую на человека — руки раскинуты в стороны, ноги широко расставлены, голова запрокинута назад. Словно кто-то танцует. Словно кто-то горит.

Что это значит? — Мэй кусала губу, изучая рисунок. Энергию выпускать из всего тела? Или принимать позу стоя?

Вокруг неё шептались, спорили, пробовали. Кто-то уже складывал пальцы в печати, пытаясь вызвать искру. Кто-то читал вслух древние комментарии на полях свитка.

Ничего не помогало.

— Я выхожу, — Мэй свернула пергамент. — Нужно подумать в тишине.

— Куда? — Шиу наконец обернулся.

— К пруду. Не беспокойся, — она улыбнулась ему — легко, по-прежнему беззаботно. — Я просто подышу воздухом.

Беседка у пруда стояла на маленькой горке, обвитая плющом, который цвёл белыми звёздами — аномалия, которую никто в клане не мог объяснить. Ветерок здесь был прохладным, пахнувшим водой и далёкими горами.

Мэй села на скамью, развернула свиток. Символ огня

смотрел на неё — вызов, загадка, дверь, запёртая без ключа.
Руки. Ноги. Тело.

Она закрыла глаза, представила себя в этой позе. Раскинутые руки — словно крылья. Запрокинутая голова — словно пламя, тянущееся вверх. Широко расставленные ноги — корни, но не в землю. В небо.

Огонь не растёт вниз. Огонь всегда вверх.

— Интересная мысль.

Голос был тихим, почти дружелюбным. Мэй подняла голову — и застыла.

Тэю стоял у перил беседки, локоть опирался о гнилую древесину, в руке — чашка с парящим чаем. Он был в простых одеждах — серых, без опознавательных знаков, — но его присутствие наполняло пространство, словно он нёс с собой собственное небо.

— Господин Тэю, — она соскочила со скамьи, свиток выпал из рук, она склонилась в поклоне, чуть не ударившись лбом о стол. — Прошу прощения за грубость. Я не знала, что...

— Мы слишком часто встречаемся взглядами, — он не двигался, не помогал ей подняться. Просто смотрел сверху вниз, и в его голосе была странная нотка — не власти, нет. Удовольствия. — Признаться, я уже запомнил тебя. Ученицу, что спит на уроках и смотрит на меня, словно я съел её последнюю булочку.

Мэй покраснела — резко, неудержимо. Её щёки горели,

словно она уже владела символом огня.

— Не извиняйся, — он наконец подошёл ближе, наклонился, поднял свиток. Его пальцы коснулись её пальцев — мгновение, искра статического электричества. — Это даже весело. Присаживайся. Поболтаем.

Она села. Не потому что послушная — потому что ноги подогнулись.

— Сколько тебе лет? — он опустился напротив, налил ей чай из своего чайника. Движения были небрежными, домашними — неприличными для бога войны.

— Пятьсот, господин Тэю.

— Очень молода, — он кивнул, словно подтверждая собственную догадку. — Из клана цветов?

— Клана Персика.

— Персика, — он протянул слово, словно пробуя на вкус. — Значит, этот символ должен быть для тебя проблемой. Ваш клан — вода, рост, мягкость. Огонь — противоположность.

Мэй молчала. Её руки дрожали на коленях, она прятала их в складках одежды.

— Покажи, — он отодвинул чашку. — Как ты понимаешь этот символ. Возможно, я смогу дать совет.

— Я... — она опустила голову, стыд сжал горло. — Я ещё не поняла. Совсем.

Тэю не рассмеялся. Не презрительно фыркнул, как ожидала Мэй. Он просто кивнул — снова, словно всё шло по его

плану.

— Не проблема. Повторяй за мной.

Он встал. Обошёл стол. Стал позади неё — так близко, что она чувствовала тепло его тела, слышала дыхание. Запах — не духи, нет. Что-то другое. Металл. Порох. Далёкие битвы, закатившиеся в кожу.

— Руки, — его голос был у самого уха.

Она подняла руки. Он взял её запястья — крепко, но не больно, словно ладони были сделаны из того же материала, что и его доспехи.

— Складываешь эти два пальца вместе, — его большой палец провёл по её безымянному и мизинцу, согнул их. — Эти выпрямляешь. Ладони — друг к другу. Крепче.

Она забыла дышать. Его руки были шершавыми — шрамы, мозоли, следы тысяч лет тренировок. Они сжали её ладони, прижали друг к другу, и Мэй почувствовала, как что-то меняется в воздухе между ними. Не магия — напряжение.

— Теперь, — он отступил, вернулся за стол, и его отсутствие ощутилось физически, словно кто-то вытащил её из тёплой воды в холодный ветер. — Держи руки так. Закрой глаза. Сконцентрируй ци в груди и направь в кончики пальцев.

Мэй закрыла глаза. Попыталась найти сердцевину ци — ту, что всегда ускользала, когда она пыталась призвать меч Лозы. Но сейчас, с теплом его прикосновений ещё живым на коже, с запахом битв в ноздрах...

Вверх, — подсказала она себе. Огонь всегда вверх.

Она представила пламя. Не в лесу, нет — в себе. В груди, там, где билось сердце. Маленькое, едва теплое, но живое.
— Дыши, — голос Тэю далеко, очень далеко.

Она дышала. И чувствовала, как тепло растёт, тянется к пальцам, ищет выхода...

Мэй открыла глаза.

Беседка была пуста. Чашки остывали на столе, чайник — полупустой. Тэю исчез, словно его никогда не было — только ветер, шевелящий плющ, и странное ощущение в груди.

Она посмотрела на руки. Ладони были сжаты вместе, пальцы — в правильной печати. Но ничего не произошло. Ни искры, ни тепла.

Мечта, — подумала она. Я заснула. Опять.

Но когда она разжала ладони, на правой — той, что он держал дольше — остался едва заметный след. Не ожог. Отпечаток. Словно кто-то сжал её руку так сильно, что кожа запомнила форму.

Мэй улыбнулась. Смешно. Грустно. Но — она его запомнила. Запомнила запах, голос, прикосновение. Этого достаточно. Пока достаточно.

Когда она вернулась в класс, наставник Е уже стоял у кафедры. Лицо его было спокойным — слишком спокойным, маска, скрывающая что-то важное.

— Ну что, — он оглядел класс. — Есть желающие показать результат?

Мэй шагнула вперёд, не давая себе времени на сомнения.
— Я, наставник.

Е Сиджу приподнял бровь:
— Мэй? Неужели?

Она не отвечала. Закрыла глаза. Сложила печать — так, как показал он, как запомнила его руки на своих. Сконцентрировалась на тепле в груди — том, что оставил его голос.

Вверх. Всегда вверх.

Она толкнула ци в пальцы — резко, отчаянно, со всей силой желания быть замеченной, быть достойной, быть рядом.

Вспыхнуло пламя.

Небольшое — размером с ладонь, оранжевое, неуверенное. Но настоящее. Огонь, рождённый из её плоти, из её энергии, из её мечты.

Класс ахнул. Кто-то закричал. Сию подскочила, опрокинув чернильницу.

Наставник Е двинулся быстрее, чем казалось возможным — печать «Гашения» наложилась на её ци, и пламя погасло, оставив лишь запах дыма и ощущение пустоты в груди.

— Редко, — голос наставника был странным — не удивлённым, нет. Довольным. — Но бывает. Клан цветов, рождённый в воде, находит огонь в себе.

— Значит... — Мэй задыхалась, сердце колотилось в горле.

— Значит, поздравляю, — Е Сиджу впервые за много лет улыбнулся — настояще, без иронии. — Ты нашла свою сти-

хию. Огненная лилия, цветок дракона — в вашем клане такое случилось. Редко, но случилось.

Он повернулся к классу, и голос его стал громким, церемониальным:

— Как и обещал — награда. Но сначала испытание. Тот, кто его пройдёт, получит право участвовать в конкурсе за Камень Пробуждения. Я назначаю Мэй главой команды от этого класса, — он не спрашивал разрешения, не предлагал выбор. — Команда — четыре человека. Две девушки, два юноши. Список к десяти утра, через три дня.

— Слушаюсь, наставник.

Класс опустел медленно — с вопросами, с просьбами взять их в команду, с недоуменными взглядами.

Мэй стояла у окна, смотрела на персиковые деревья. На гору Хаоцзи. На далёкий Дворец Судьбы, где сейчас, наверняка, Тёю тренировался или пил чай с братьями, или просто существовал — недостижимый, как всегда.

— Что думаешь? — Шиу подошёл сбоку, не глядя на неё.

— О том, что мне повезло.

— Везение — это когда ты случайно находишь духовный камень в дороге, — он наконец обернулся, и в его глазах было что-то сложное — не зависть, нет. Боль. — То, что произошло у пруда — это не везение. Это ты. Ты сама.

Мэй не спросила, как он узнал. Они всегда знали друг о друге слишком много.

— Я возьму тебя в команду, — она сказала просто. — Ты

моя сила, Шиу. Всегда был.

Он протянул ладонь — для удара, по их старой традиции. Она ударила по ней, но он не разжал пальцы. Сжал её руку в своей, крепко, почти больно.

— Так он держал тебя? — голос был тихим, но не злым. Грустным. — Тэю?

— Шиу...

— Не отвечай, — он отпустил её, улыбнулся — той самой ленивой улыбкой, что разряжала любую ситуацию. — Просто... будь осторожна. Огонь прекрасен, но он жжёт тех, кто к нему прикасается.

Они вышли вместе, толкаясь плечами, как всегда. Как прежде. Но Мэй чувствовала — что-то изменилось. В ней. Между ними. В воздухе, который теперь пах не только персиками, но и дымом.

Дом встретил её теплом. Мать вышивала у окна, отец читал у камина — обычный вечер, обычная жизнь.

— Папа, мама, — Мэй села за стол, не снимая верхней одежды. — Вы не поверите, что случилось.

— Удиви нас, — отец отложил книгу.

— Я использовала символ огня, — она смотрела на них, ожидая восторга, удивления, слёз радости. — Призвала пламя. И теперь буду участвовать в конкурсе. Наставник Е сказал, что это редкий случай, что в клане бывали огненные лилии, цветок дракона...

Она осеклась. Увидела лица родителей.

Не радость. Не удивление. Страх — быстрый, мимолётный, но она узнала его. Мать сжала ткань так, что дерево треснуло. Отец — отец просто смотрел, слишком долго, слишком пристально.

— Что? — Мэй отступила на шаг. — Что не так?

— Ничего, — мать первая опомнилась, улыбнулась — натянуто. — Мы просто... удивлены. Это чудесно, дорогая. Просто чудесно.

— Но вы...

— Твоя мама переживает, — отец подошёл, положил руки ей на плечи. Тяжёлые, тёплые, но дрожащие. — Испытание за Камень Пробуждения — это опасно, Мэй. Многие не возвращаются.

— Я справлюсь, — она подняла подбородок. — У меня есть стихия теперь. И команда. И Шиу.

— Обязательно возьми Шиу, — мать снова говорила, слишком быстро. — Ему я доверяю.

Мэй кивнула. Но взгляд её упал на отца — на его руки, на пальцы, сжимающие её плечи слишком сильно. И вспомнила.

Чешуя.

Она вытащила её из внутреннего кармана — чёрную, пульсирующую теплом, ту самую, что отец дал ей неделю назад.

— Это из-за неё? — голос её дрогнул. — Она изменила мою ци? Сделала меня... другой?

Отец посмотрел на чешую. Потом на неё. И его глаза — те, что всегда были полны любви и понимания — стали старше, уставшее.

— Нет, дорогая, — он взял чешую из её рук, положил на стол. — Она не могла изменить твою природу. Максимум — помочь сосредоточиться. Огонь — это внутренняя энергия. Она была в тебе всегда. Мы просто... не знали.

— Но вы словно испугались, — Мэй не отступала.

Тишина. Длинная, тяжёлая.

— Старые легенды, — наконец сказала мать, — пугают, даже когда не веришь в них. Цветок дракона — редкость, Мэй. Слишком редкая. Люди могут заговорить.

— Пусть говорят, — Мэй подняла чешую, спрятала обратно. — Я буду участвовать в конкурсе. И выиграю. И тогда пусть говорят что угодно.

Она поцеловала мать, обняла отца, побежала в свою комнату — не видя, как они смотрят ей вслед. Не слыша, как отец шепчет:

— Неужели правда неотвратимо приближается к нам.

— Тихо, — мать сжала его руку. — Это не доказывает ничего. Многое могло передаваться через чешую. Или это совпадение.

— Совпадение, — он повторил, словно слово было заклинанием. — Да. Конечно. Совпадение.

Мэй лежала на кровати, глядя в потолок. Чешуя тёплая в ладони — не горячая, как вчера, но живая. Огонь в груди —

тихий, дремлющий, но её.

Она думала о завтра. О команде. Об испытании.

И о нём — о дыхании у самого уха, о руках на её запястьях, о голосе, который говорил: «Дыши».

Завтра она начнёт путь к нему. Камень за камнем. Огонь за огнём. И пусть кто-то испугался сегодня — она не боялась. Пока не боялась.

Глава 5: Решение

Мэй влетела в класс, как ураган, опрокидывая стул у двери.

— Наставник Е, простите, я опоздала! — голос её дрожал от бег, а не от страха. Она даже улыбалась — широко, беззаботно, словно опоздание было приключением, а не провинностью.

Класс был пуст. Наставника — нет.

— Мэй, садись, — Сию махнула рукой с последней парты. — Наставник ещё не пришёл. Ты раньше всех, если что.

Мэй замерла, глядя на дверь. Потом рассмеялась — звонко, заразительно, и весь класс подхватил. Она уселась на своё место, вытаскивая дощечки и пергаменты, которые всё равно не планировала использовать.

Воздух задрожал. Наставник Е материализовался у кафедры — не появился, а именно материализовался, словно собираясь из пыли и света. Он оглядел класс, и взгляд задержался на Мэй. Не строго — с лёгким удивлением, словно она

была загадкой, которую он всё ещё не разгадал.

— Мэй, — голос был ровным. — Ты определилась с командой?

Она вздрогнула, услышав своё имя. Встала, поправляя складки одежды, которые не требовали поправки.

— Да, наставник. Я приняла решение. — Она говорила быстро, словно боялась, что слова растворятся. — В моей команде будут: Шиу — он силён, будет главной опорой. Сию — она лучше всех знает медицину и травы. И Лешиу — он разбирается в амулетах, печатях и талисманах.

Наставник Е улыбнулся. Не иронично — довольно, почти гордо.

— Кто бы мог подумать, Мэй, — он сложил печать, и пергамент с четырьмя именами материализовался в его руках, уже подписанный. — Что к пятистам годам ты начнёшь раскрывать таланты. Отличный выбор.

Мэй моргнула. Он уже знал? Конечно знал. Наставник Е всегда знал.

— Теперь, — он повернулся к классу, голос стал церемониальным, — поговорим об артефакте. Когти Дракона.

Воздух в классе сгустился. Даже Мэй — вечно болтливая, вечно отвлекающаяся Мэй — замерла, уставившись на учителя.

— Пять тысяч лет назад, — голос наставника был тихим, почти интимным, словно он рассказывал историю у камина, а не у кафедры, — была война между богами и демонами.

Императором тогда был Глава клана Драконов. Вместе с Главой клана Северных Лис — нашим нынешним императором — они использовали артефакт, чтобы запечатать Принца Демонов.

Он замолчал. В классе не шелохнулось.

— Ценой были жизни клана Драконов. Весь клан погиб вслед за своим главой. Их имена высечены на стелле у врат императорского дворца. Герои, павшие за мир.

Мэй подняла руку. Не дожидаясь разрешения — никогда не ждала.

— Наставник, — её голос был нежным, странно серьёзным для неё. — Как так вышло, что весь клан Драконов был уничтожен, а клан императора — нет?

— Потому что Когти Дракона управлялись только кланом Драконов, — наставник не обиделся на перебой. — Глава клана направил их по ложному следу, чтобы спасти друзей. Сам активировал барьер, оказавшись в поле его действия. Души их исчезли вместе с врагом. Без права на перерождение.

Мэй опустила руку. Смотрела на парту, где лежал её свиток с символом огня.

— Сколько бы раз вы это ни рассказывали, — она прошептала, но в тишине класса её услышали, — всегда остаются вопросы. Почему именно они? Почему нельзя было найти другой путь?

— Потому что война не терпит других путей, — голос на-

ставника стал мягче. — Но благодаря их жертве мы живём беззаботно. Император обеспечил мир.

— Кстати о нём, — Мэй подняла голову, прежняя энергия вернулась. — Ходят слухи, что конкурс устроили из-за передачи трона Богу Хону?

Наставник Е рассмеялся — коротко, но искренне.

— Как всегда, осведомлена. Да, скоро Бог Хону станет Императором Небес. А позже — свадьба с богиней Южных земель. День вознесения — день окончания испытания.

— Идеально! — Мэй захлопала в ладоши. — Значит, победитель получит камень прямо на церемонии?

— Если пройдёт испытание. — Наставник поднял руку, останавливая поток вопросов. — А теперь — о Когтях Дракона. Артефакт хранится в императорском дворце. Но без клана Драконов он — лишь символ. Красивая реликвия без силы.

— А Звезда Перерождения? — Мэй успела выскользнуть, прежде чем он прервал её.

— Мэй, — вздох. — У тебя вопросы всегда не в тему.

— Но наставник Е...

— Занятие окончено. — Он щёлкнул пальцами, и двери класса захлопнулись перед носом уходящих учеников. — Команда остаётся. Обсудим детали.

За столами остались четверо. Мэй, Шиу, Сию, Лешиу. Воздух между ними был другим — не просто воздух класса, а что-то новое. Команда.

— Итак, — наставник Е опустился на край парты, небрежно, как никогда. — Что известно. Испытание — поиск. Что именно — скажут на месте. Локация — лес Си.

Лешиу поёжился. Сию опустила взгляд к рукам.

— Лес Смерти, — прошептала она.

— Лес Си, — поправил наставник. — Просто не будет, верно. Это лишь отбор. Сам конкурс — жёстче.

Мэй оглянулась на товарищей. Шиу смотрел вперёд, лицо каменное. Сию кусала губу. Лешиу — Лешиу уже делал пометки на пергаменте, глаза горели.

Мы сможем, — подумала она. Мы обязаны.

— Наставник, — она подняла руку. — Что было в прошлом испытании?

— Тогда не было отбора. Борьба за Росу Культивации началась сразу. Много погибло — слишком слабых, слишком уверенных. Сейчас отбор защитит вас от... преждевременных жертв.

— Значит, задача — найти что-то в глубинах леса, — Мэй кивнула, мысли ускорились. — Что нам известно о лесе?

— Ядовитые травы, — наставник смотрел на Сию. — Твоя задача — изучить всё, что может спасти или убить.

— Будет сделано, — Сию записала в блокнот, не поднимая головы.

— Беглые боги, злые духи, демоны, — он перевёл взгляд на Лешиу. — Защитные амулеты, печати, талисманы. Максимум защиты.

— Понял, — Лешиу уже рисовал схемы, не глядя на доску.

— Шиу, — наставник помедлил. — Ты тренируешься. Техники меча, физическая выносливость. Ты — щит команды.

Шиу кивнул. Не словом — просто кивком. Но Мэй увидела, как напряглись мышцы его челюсти.

— А я? — она подпрыгнула на месте, словно не могла удержать энергию.

— Ты, Мэй, — наставник встал, подошёл ближе. — Обнаружила стихию неделю назад. Времени нет. Я буду заниматься с тобой каждый день. Огонь — твой путь, но ты ещё не умеешь ходить по нему.

— Я научусь быстро! — она улыбнулась, широко, заразительно. — Я уже доказала!

— Доказала, — он кивнул, и в глазах мелькнуло что-то — не уверенность, нет. Надежда. — От занятий на этот месяц вы отстранены. Готовьтесь. Живите. И постарайтесь вернуться.

Дни стали потоком.

Шиу исчезал на рассвете, возвращался поздно, молчаливый, уставший, с новыми мозолями на ладонях. Сию записалась в библиотеке, выходила только за едой, глаза красные от чтения. Лешиу — Лешиу пах дымом и магическими реагентами, его комната светилась ночами от печатей.

Мэй почти не видела их. Её дни принадлежали наставнику

Е.

Утро за утром — одно и то же. Сидеть, складывать печать поглощения, впитывать энергию мира, чувствовать, как она наполняет меридианы, как разгоняет холод, который всегда жил в ней.

Неделя прошла, словно один длинный вдох.

— Сегодня — второй шаг, — наставник Е стоял за её спиной, как всегда. Голос его был близко, но не так близко, как тот день у пруда. — Огненная атака.

Мэй открыла глаза — яркие, жадные.

— Второй шаг?

— Ты поглощала энергию. Теперь — выплёскивать. Разом. Большим объёмом.

— Разом, — она повторила, пробуя слово на вкус. — Большим объёмом.

— Садись. Печать поглощения.

Она села, сложила пальцы. Наставник положил руку ей на плечо — тяжёлую, тёплую, концентрирующую.

— Помнишь символ огня? — его голос у самого уха. — Рисуй его в воздухе. Не пальцами — энергией. Выпускай ци с кончиков, рисуй перед собой, и на последнем штрихе — высвобождай всё.

Мэй закрыла глаза. Представила символ — раскинутые руки, запрокинутая голова, пламя, тянущееся вверх. Начала рисовать в темноте за веками, ощущая, как энергия течёт к пальцам, как накапливается, как просит выхода.

— Сейчас, — шёпот наставника. — Всё разом.

Она открыла глаза. Выпустила.

Пламя вспыхнуло не перед ней — вокруг. Огромное, вихревое, оранжевое с белым сердцевинкой. Оно озарило беседку, отбросило тени деревьев на стену, заставило наставника Е отшатнуться, защищаясь печатью.

Мэй смотрела на свой огонь. На свой огонь. И смеялась — звонко, беззаботно, словно это была не сила, а подарок.

— Не могу поверить, — голос наставника был шёпотом. — Клан цветов. Такое пламя.

— Я одарена, — Мэй повернулась к нему, глаза горели отражённым светом. — Небесами. Вами. Всеми, кто не сдавался для меня.

— Кто бы мог подумать, — он кивнул, и улыбка его была искренней, почти отцовской. — Что мы, твои учителя, искали твою силу не там. Что она была внутри, ждала пятисот лет.

— Ну что вы, — она встряхнула руками, разгоняя остатки ци. — Теперь-то я догоню всех! И призову меч Лозы!

— Конечно, — наставник восстановил спокойствие, но глаза всё ещё смеялись. — На следующей неделе — огненный барьер. Если освоишь — последнюю неделю тренируешься с командой. Разные сферы, разные знания.

— И потом — конкурс! — Мэй подпрыгнула, не удержавшись.

— И потом, — он кивнул, — если повезёт, конкурс. Сда-

ётся мне, Мэй, что именно тебе суждено участвовать в борьбе за Камень Пробуждения.

Она улыбнулась — широко, по-детски, с той радостью, что принадлежит только тем, кто наконец-то нашёл своё место в мире.

Огонь в груди пульсировал, отзываясь на её счастье. Просто её огонь. Её сила. Её путь.

И это было прекрасно.

Глава 6: Испытание

Солнце ещё не поднялось над горой Хаоцзи, а Мэй уже сидела в позе культивации — спина прямая, ладони на коленях, дыхание ровное. Но внутри — буря.

Сердце колотилось так, что она слышала его в висках. Не от страха. От ожидания. От веса ответственности, который она выбрала сама — не только за себя, но за троих, кто доверил ей свои жизни.

— Мэй? — голос матери был тихим, почти шёпотом, словно громкое слово могло развеять концентрацию дочери. — Дорогая, ты уже проснулась?

Она открыла глаза. Мать стояла в дверях, в руках — свеча, дрожащая от её же тревоги. За спиной — отец, молчаливый, с чем-то тёмным, сложенным в руках.

— Я не спала, мам, — Мэй улыбнулась, выходя из транса. — Уже час как культивирую. Готовлюсь.

— Ты должна была отдохнуть, — мать подошла ближе,

свободной рукой коснулась волос дочери. — Последний месяц ты не высыпaeшьcя.

— Я отдыхала пятьсот лет, — Мэй встала, разминая затёкшие ноги. — Сейчас — время собраться. Показать всё, на что способна.

Отец наконец шагнул в комнату. В его руках лежала одежда — не простая ученическая мантия, а боевое одеяние. Тёмно-зелёный шёлк, вышитый серебряными нитями в узоры защитных печатей. Клан Персика не был богат, но для этого дня родители пожертвовали годами накоплений.

— Мы с мамой готовили это всю неделю, — он протянул одежду, и Мэй увидела, как дрожат его пальцы. Не от возраста — от волнения. — Ты впервые наденешь боевое одеяние. Мы... гордимся тобой.

Она взяла ткань в руки. Тяжёлую, живую, пахнущую воском и любовью. Это был не просто костюм — это был приз. Признание. Веру в неё, которую она не всегда испытывала сама.

— Спасибо, мама. Папа.

Отец сел на край кровати, не глядя на неё:

— Мэй, ты обнаружила силу месяц назад. Не будь к себе слишком строга. Ты и так добилась больших успехов. Не обязательно...

— Это не только ради камня, папа, — она прервала его мягко, но твёрдо. Встала перед зеркалом, начиная переодеваться. — У меня есть цель. И я достигну её.

В зеркале она видела не себя — увидела их. Себя и Тэю, стоящих рядом. Её в простых одеждах охранницы врат, его — в доспехах бога. Разница безмерна, но взгляд его тогда, у пруда... Он видел её. Настоящую.

— Я переоденусь, — она повернулась к родителям. — Нужно выходить. Мы договорились встретиться у врат Судьбы.

— Да, — отец кивнул, не вставая. — Испытание начнётся от Дворца Судьбы. Принадлежащего Богу Тэю.

Имя повисло в воздухе, тяжёлое, как физическое присутствие. Мэй улыбнулась — невольно, широко, с той глупой радостью, что принадлежит только влюблённым.

Она знала, что увидит его. И знала, что должна быть безупречной.

Врата Судьбы встретили её светом.

Не солнечным — ещё рано. Магическим. Тысячи фонарей, подвешенных к невидимым нитям, плавали в воздухе, образуя дорогу к дворцу. Белый камень стен пульсировал мягким сиянием, словно само здание дышало.

— Мэй! Мы здесь! — Сию махала рукой с толпы, её голубое платье мелькало, как знамя.

Мэй пробилась сквозь учеников — их было сотни, может, тысячи. Все школы, все кланы, все, кто мечтал о тысяче лет культивации. Запах пота и духов, смешанный с озоном от работающих печатей, давил на лёгкие.

— Ребята, — она подошла, оглядывая команду. Шиу сто-

ял немного в стороне, меч Лозы за спиной, лицо каменное. Лешиу — с огромной сумкой, набитой, должно быть, талисманами. — Вы уже здесь. Участников... много.

— Слишком много, — Шиу наконец обернулся. Его глаза встретились с её — быстро, отрезвляюще. — Но мы готовились. Мы справимся.

— Конечно, — Мэй кивнула, и в её голосе не было сомнений. — Мы просто обязаны.

На помостке перед воротами появился смотритель — не материализовался, а вырос из света фонарей. Его голос разнёсся без магического усиления, громкий сам по себе:

— Всем участникам — внимание! Постройтесь командами по четыре человека. Печать участника получите после проверки списков.

Очередь двигалась медленно, как сон. Мэй видела, как отсеивают тех, кто пытался обмануть систему — печать на ладони вспыхивала красным, и человек исчез, уносимый стражей.

Когда их очередь наконец пришла, сердце Мэй забилось так, что она слышала его в пальцах.

— Команда Мэй, клан Персика, — произнесла она, вытягивая руку.

Сканирование было холодным, почти болезненным — магия проникла под кожу, проверила меридианы, сравнила с шаблоном. Потом — щипок, и на ладони появилась печать. Голубая, пульсирующая в такт её сердцебиению.

— Благодаря этой печати за вами будут следить зрители, — голос служителя был монотонным, отработанным. — В случае опасности активируйте обратный призыв, направив ци в печать. Ясно?

Они кивнули. Прошли через врата — и Мэй замерла.

Дворец Судьбы. Она видела его издалека, с горы Хаоцзи. Но здесь, внутри, он был другим. Белый камень казался живым, золотые символы на стенах двигались, переплетаясь в новые узоры. Вдали — сад, где цвели цветы, которых не существовало в природе. Звук водопада — негромкий, но осязаемый, словно вода падала прямо в душу.

— Все участники в сборе, — голос зрителя отрезвил её.

На возвышении — он.

Тэю. Не в доспехах, нет. В светлой одежде, императорской, с золотыми драконами на подоле. Он выглядел иначе — не воин, а владыка. Покойный, уверенный, чистый. Словно весь мир был для него очевиден, предсказуем, подчинён.

И он искал её. Мэй это знала — чувствовала кожей, костями, пульсирующей печатью на ладони. Их взгляды встретились сквозь толпу, сквозь сотни голов, сквозь расстояние.

Он улыбнулся. Едва заметно, словно она придумала это. Но она не придумывала.

— Я, Бог Войны Тэю, приветствую вас, — его голос был тихим, но дошёл до каждого. — Вам выпала честь пройти испытание. Тот, кто пройдёт, сразится за Камень Пробужде-

ния.

Он поднял руку, и в ней вспыхнуло пламя — не огонь, нет. Что-то другое. Синее, холодное, живое. Из пламени родился камень — прозрачный, с сердцевинкой из света, словно замороженная звезда.

— Тысяча лет культивации, — Тэю повернул камень, и свет от него лёг на лица толпы. — Победитель станет богом. Частью императорского двора.

Мэй смотрела на камень, но видела его руки — те, что держали её запястья у пруда.

— Пять тысяч лет назад я сам был участником, — Тэю опустил руку, камень исчез, но свет остался в воздухе. — Я сын императора, да. Но там, в испытании, все равны. Низший дух или дух цветка — решают навыки и целеустремлённость.

Он помедлил. Взгляд снова нашёл её — быстро, почти незаметно.

— Но это не игра. Если почувствуете, что не справляетесь — активируйте печать. Вернётесь на площадь. Попробуете через тысячу лет. Ваша цель найти огненную лилию. Их спрятано всего десять в лесу Си.

Смешки пробежали по толпе. Тысяча лет — для богов мгновение.

— Император возобновил традицию, — Тэю продолжал, голос стал тяжелее. — Но с условием. Предварительный отбор защитит вас от... ошибок прошлого. Сам конкурс может

быть смертельным. Зеркало Судьбы выберет испытание. Никто не знает, какое.

Он замолчал. В тишине Мэй слышала своё дыхание — ровное, несмотря на бурю в груди.

— Это может стоить жизни, — Тэю смотрел теперь на всех, не на неё. — Поймите это. Смотритель — начинайте.

Он исчез. Не материализовался — просто стал невидим, словно свет поглотил его.

— Все команды — в круг! — смотритель жестом очертил пространство. — Ладони с печатями в центр. Направьте ци.

Мэй встала лицом к своим. Шиу — справа, лицо каменное, но глаза горят. Лешиу — слева, уже делает пометки на пергаменте. Сию — напротив, кусает губу, но кивает.

— Готовы? — Мэй вытянула руку.

Они коснулись её ладоней — тёплыми, живыми, настоящими. Печати вспыхнули, свет слился в столб, и мир исчез.

Лес Си пах гнилью и тишиной.

Мокрая земля под ногами, воздух — густой, тяжёлый, словно дышать водой. Вокруг не деревья, а стены из лиан и шипов, переплетённые в непроходимую чащу. Не птиц. Не ветра. Только гул — низкий, подземный, словно сам лес дышал.

— Талисманы, — Лешиу шептал, хотя шёпот казался громким. — Красный — сигнал бедствия, если потеряемся. Синий — барьер, скроет от существ. С каплей — противоядие, останавливает яд, выигрывает время.

Он раздавал их, руки дрожали от перенапряжения ци.

— Держимся вместе, — Мэй шла первой, меч у неё не было, только пламя в груди, готовое вырваться. — Шиу — тыл. Лешиу и Сию — в центре.

— Направление? — Шиу держал меч Лозы наготове, огонь на клинке горел ровно, контролируемо.

— Север, — Сию смотрела на компас из травы, который она сплела на ходу. — Огненная лилия цветёт на скалах. Там — единственные скалы в лесу.

Они двинулись, пробираясь сквозь заросли. Каждый шаг давался ценой — лианы цеплялись за одежду, шипы царапали кожу, под ногами хрустело что-то... не древесное.

Шиу остановился первым.

— Звук, — он прислушался. — Змеи. Много.

Но не змеи. Из травы, из-под корней, из самой земли выползали силки — живые лианы, хищные, с шипами вместо чешуи. Они ползли со всех сторон, сжимая кольцо.

— Внизу! — Мэй увидела движение у ног Сию, схватила её за рукав, оттянула.

Силки ударили по пустоте, разозлились, запульсировали.

— Огонь! — крикнула Мэй, не думая.

Она собрала ци в ладонях, нарисовала в воздухе символ — быстро, небрежно, отчаянно. Пламя вспыхнуло вокруг них, защитное кольцо, оранжевое и неуверенное. Силки отшатнулись, но не умерли — поднялись в воздух, стали тоньше, острее.

— Меч Лозы их режет! — Шиу замахнулся, клинок прошёл сквозь лиану, и та упала, истекая чёрной жидкостью.

— Тогда работа за тобой! — Мэй поддерживала огонь, чувствуя, как ци утекает, как меридианы ноют от непривычной нагрузки.

Шиу двигался — семь мечей, техника, которую он оттачивал месяц. Копии клинка танцевали вокруг него, рубили, кололи, защищали. Силки падали, но новые выползали из-под земли.

— Слишком много! — Лешиу активировал синий талисман, и вокруг них возник барьер, полупрозрачный, колышущийся.

Силки ударили по барьеру, отскочили, но продолжали пульсировать, искать слабые места.

— Демоны! — Сию вскрикнула, указывая вдаль.

Аура — тяжёлая, чёрная, пахнувшая серой — приближалась. Не один демон. Три. В обличье огромных чёрных псов, с глазами из угля.

— Они идут на звук боя, — Шиу прикрыл Мэй собой, меч горел белым. — Нужно уходить!

— Туда! — Лешиу указал на расщелину между скалами, едва заметную сквозь заросли. — Ущелье!

Они бежали, барьер талисмана трещал от ударов силков. За спиной — рычание, топот, жар демонического дыхания.

Ущелье поглотило их, и скала за спиной сомкнулась — не закрылась, а заросла, словно лес хотел их запереть.

Внутри было темно, тихо, влажно. Туман поднимался с земли, густой, белый, непроницаемый.

— Держимся за руки, — Мэй протянула правую руку вперёд, и кто-то схватился — ладонь была мокрой, дрожащей. — Не отпускайте.

Они шли, туман сгущался. Мэй говорила, чтобы не сойти с ума от тишины:

— Ребята, идеи, как развеять туман?

Тишина.

— Ребята?

Она потрясла рукой, которую держала. Ладонь растворилась — буквально, превратилась в воду, в воздух, в ничто.

— Не молчите! Вы меня пугаете!

Ответа не было. Тишина была абсолютной, плотной, как вата в ушах.

Мэй отшатнулась, спина врезалась в стену ущелья. Холод камня отрезвил. Она села, закрыла глаза, пытаясь дышать.

Слейся с туманом, — подсказала она себе. Не борись. Стань частью.

Она погрузилась в культивацию, чувствуя что вокруг — чужую, холодную, но не враждебную. И слышала. Воду. Капающую, журчащую, зовущую.

Она шла вслепую, руки впереди, ноги ощупывая землю. Туман расступался, словно уступая дорогу тому, кто не боится его.

Пещера. Небольшая, с прудом в центре. На поверхности

— лилии, обычные, белые. Но на каменной плите в середине — она. Огненная лилия. Лепестки из пламени, стебель из кристалла, горящего изнутри.

Мэй открыла глаза — и замерла.

Слишком просто. Слишком красиво.

— Разве цветок не должен кто-то охранять? — её голос эхом отдалился в пещере. — Где же ты?

Тишина. Она достала пергамент, сложила кораблик, направила к цветку ци — осторожно, как учил наставник.

Иллюзия рассеялась.

Перед ней зиял обрыв. Глубокий, бездонный, с ветром, что дул снизу, из самой бездны. Цветок стоял на том краю, недостижимый.

— Ух ты, — голос был рядом, почти у самого уха. — Какой умный дух.

Мэй обернулась — и увидела его.

Молодой мужчина, в серых одеждах простого служителя. Но глаза... Серебристые, с отблесками, словно в них отражалось что-то далёкое. Знакомые. Те самые, что смотрели на неё сквозь маску на празднике фонарей.

— Ты, — она отступила на шаг, спина к обрыву. — В мире смертных...

— Понятия не имею, о чём ты, — он улыбнулся, и улыбка была той же — горькой, усталой. В руке вспыхнуло голубое пламя, как у Тэю, но холодное, ледяное. — Я задам вопрос. Решишь правильно — дам подсказку. Нет — полетишь вниз.

Он не успел договорить. Из темноты за спиной вырвались рычания — три чёрных пса, но больше, чем в лесу. Их глаза горели не углём, а пламенем, демоническим, голодным.

— Вы серьёзно? — мужчина обернулся, и голос его стал другим — не усталым, а острым, опасным. — У нас здесь соревнование. Чего вам?

Псы не ответили. Рванулись вперёд.

— Подожди, — он бросил Мэй, и ледяной меч материализовался в руке — длинный, тонкий, с печатями на лезвии. — Разберусь и продолжим.

Псы были тенью — не настоящие, но ударяли по-настоящему. Меч сбивал их с ног, но они вставали, удваивались, становились восемью, шестнадцатью.

— Малая, — он отступил к ней, дыхание тяжёлое. — Поможешь? Защитная техника есть?

— Огненное кольцо, — Мэй уже собирала ци, чувствуя, как пламя отзывается на близость демонов. — И талисман сокрытия.

— Огонь? — он хмыкнул, серебряные глаза встретились с её. — Удивляешь, цветок.

Она надула губы, но не спорила. Выпустила пламя — барьер вокруг них, оранжевый, тёплый. Активировала талисман, и он исчез из вида, скрытый за плотным огнём.

— Продержись, — он сел в позу культивации, меч лёг на колени. — Нужно активировать печать поглощения. Иначе не справимся.

Мэй кивнула. Боролась.

Огонь был её, но демоны — чужие, холодные, ненавидящие свет. Она чувствовала, как барьер трещит, как ци утекает, как меридианы ноют. Но продолжала. Для него. Для себя. Для команды, где-то там, в тумане.

— Готово, — он вскочил, и серебряный свет вспыхнул из его груди, смешался с её пламенем.

Вихрь. Огненно-ледяной, поглощающий тени. Псы исчезли, растворились в крике, который не был звуком.

Мэй упала на колени, тяжело дыша. Он стоял, придерживая бок — там, где пес прорвался сквозь барьер, одежда была разорвана, кожа — белой от заморозка.

— Как вы? — она поднялась, шатаясь.

— Жить буду, — он улыбнулся, и улыбка была почти тёплой. — Ты помогла. Не испугалась демонов. Это... достойно.

Он протянул кристалл — маленький, серебристый, пульсирующий в такт её печати.

— С ним дойдёшь до лилии без препятствий. Иди, цветочек. Тебе ещё друзьям помочь надо. Некоторые всё ещё блуждают.

— А вы?

— Займусь культивацией. Восстановлюсь.

Мэй встала, нехотя. Смотрела на него — на серебряные глаза, на рану, на странную благодарность в голосе.

— Как вас зовут? — она спросила, как тогда, на празднике. — Мы уже не первый раз встречаемся.

— Случайность, — он сел, закрывая глаза. — Если выиг-
раешь конкурс — встретимся снова. И тогда скажу имя.

Она кивнула. Пошла туда, куда указывал кристалл —
сквозь стены пещеры, сквозь иллюзии, прямо к цветку.

Он ждал. Горел. Признал её, когда она коснулась — тепло,
не обжигающее, а принимающее.

— Видимо, моя стихия тебе подходит, — она улыбнулась
цветку.

— Эй! — голос из-за спины. — Сразимся за него!

Ученики другой школы — трое, в красных мантиях, мечи
наготове.

— Извините, — Мэй подняла цветок, и он пульсировал в
её руке, признавая хозяйку. — Он уже мой.

Она направила ци в печать. Вспышка света — и она стояла
на площади Дворца Судьбы, рядом с Шиу, Сию, Лешиу. Они
оглядывались, растерянные, потом увидели друг друга.

— Мы сделали это! — Сию вскрикнула первой.

Они обнялись, смеялись, перебивая рассказы о тумане, о
лабиринте, о чудесном спасении. Мэй держала цветок, и он
горел в её руке, тёплый, живой.

Через час десять команд стояли на площади. Десять ог-
ненных лилий, десять историй, десять побед над собой.

Смотритель поднял руку:

— Поздравляю. Вы преодолели себя. Но сейчас — самое
сложное. Выберите из команды одного, кто будет бороться
за Камень Пробуждения. Три дня на решение.

Тишина. Команды замерли, не глядя друг другу в глаза.

— Мэй, — Шиу начал первым. — Ты нашла цветок. Ты достойнее...

— Не глупи, — она перебила. — Без Сию я бы не знала, куда идти. Без Лешиу — не защитилась бы. Без тебя — не прорвалась бы сквозь силки.

— Я и так хорош, — Лешиу пожал плечами, не глядя на неё. — Тысяча лет... мне не критично. А ты отстала в развитии. Это шанс догнать.

— Эй, — Сию толкнула его. — Грубовато звучит.

— Но честно, — он наконец посмотрел на Мэй. — Ты больше всех этого хотела.

Она смотрела на них — на друзей, на семью, которую выбрала сама. И улыбнулась.

— Подумаем вместе, — сказала она. — Не сейчас. Сейчас — мы просто живы. И это важнее.

Дом встретил её тишиной — и вспышкой света.

— Поздравляем! — свечи зажглись сами, цветные огоньки заплясали по стенам.

Мать бросилась с объятиями, отец — с гордостью в глазах, которую не мог скрыть.

— Имена победителей сразу разослали в кланы, — мать трясла её за плечи, смеясь и плача одновременно. — Все радуются за вас с Шиу!

Мэй была счастлива. Не от огоньков, не от поздравлений. От движения — наконец-то она двигалась, а не стояла на ме-

сте. По направлению к дворцу Судьбы. К Тэю. К себе настоящей.

Но перед сном, в тишине комнаты, она вспомнила его. Серебряные глаза, ледяной меч, слова: «Если выиграешь — встретимся снова».

И загадку, которую она не решила. Вопрос, который он не задал. Мэй заснула с цветком в руке — он пульсировал теплом, словно второе сердце.

Глава 7: Выпуск старших

В классе было непривычно тихо.

Все окна распахнуты настежь, и тёплый ветер, пахнущий персиками и далёкими горами, развеивал свитки на партах. Но парты были пусты. Книги — закрыты. Ни Шиу, ни Сию, ни даже Лешиу с его вечными пометками на полях.

Только наставник Е. Он сидел на краю стола, ноги свисали, словно у ученика, а не у мастера с тысячелетним стажем. В руках — книга, не свиток, а настоящая книга с переплётом, редкость. Его профиль был обращён к окну, и Мэй, остановившись на пороге, замерла.

Она никогда не замечала, каков он на самом деле. Не как наставник — строгий, ироничный, вечно метаящий косточки. А как мужчина. Чёткий профиль, ресницы, отбрасывающие тень на скулы, руки — тонкие, но с мозолями от тысяч лет письма и печатей.

— Мэй? — он не обернулся, но голос был мягким. — Ты

почему здесь?

Она подошла ближе, не отрывая глаз:

— Учитель, я и не замечала, насколько вы... красивы.

Книга захлопнулась. Наставник Е подскочил, словно ужалили, лицо залилось румянцем — быстро, неудержимо. Он растерялся, открывал и закрывал рот, потом понял — она подшучивает.

— Говори, что натворила, — он свернул книгу в рулон, угрожающе, но глаза смеялись.

— Почему сразу натворила?

— Тогда просьба?

Мэй села напротив, взгляд опустила. Пальцы перебирали кисточку для чернил, лежащую на парте.

— Просьба быть со мной откровенным.

Наставник Е помедлил. Потом кивнул, и в его глазах — тех самых, уставших, улыбающихся — мелькнуло что-то похожее на боль.

— Ты прошла испытание вчетвером, — он начал, не дожидаясь вопроса. — Ребята согласны, чтобы ты участвовала в состязании. Но у тебя сомнения. Достойна ли ты?

Мэй подняла голову. Он всегда так — читал её, как открытую книгу.

— Сомневаться — нормально, — голос наставника стал тише. — Но я с ними согласен. Ещё месяц назад ты не чувствовала свою энергию. Сейчас — используешь пламя, совершенствуешься с колоссальной скоростью. Ты от природы

умна, хоть и ленива. Но сейчас у тебя есть цель.

Он помедлил, глядя в окно:

— К тому же, другие культивировали пятьсот лет, а ты изучала теорию. Ты как никто другой достойна этих тысячи лет. Но если не уверена, что справишься...

— Нет, — Мэй перебила, и голос её был твёрдым, настоящим. — Я справлюсь.

Наставник улыбнулся — широко, с облегчением, словно наконец-то услышал то, что ждал.

— Другое дело.

— Кстати, — Мэй подпрыгнула на месте, прежняя энергия вернулась. — А где все?

— В саду. Церемония выпуска старших учеников. Распределение по императорским службам.

— Можно и мне?

— Конечно. Это праздник школы. — Он встал, подошёл к окну. — Но через неделю соревнование. Нам нужно подготовиться.

Мэй кивнула, поклонилась — низко, от всего сердца, — и выскочила из класса, словно птица из клетки.

Сад цвёл буйством, несмотря на позднюю пору.

Выпускники — в парадных мантиях, с печатями на груди, обменивались воспоминаниями, планами, обещаниями встретиться через тысячу лет. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то уже мечтал о новых дворцах и новых жизнях.

Мэй нашла Шиу у фонтана — он стоял с Сию, и оба смот-

рели друг на друга так, словно разговаривали без слов.

— Шиу! — она подбежала, толкнув его в плечо. — Почему не дождался?

Он обернулся — резко, почти виновато. Взгляд скользнул к Сию, потом вернулся к Мэй.

— Лешиу с братом, — Сию ответила за него, голос ровный, но глаза — нет. — Он выпускается сегодня.

— Тогда займём места, — Мэй не заметила ничего, слишком была погружена в своё. — Пока первые ряды свободны!

Они пошли за ней, как всегда. Как прежде.

Голоса стихли, когда появился глава школы. Речь его была короткой — о пути, о мечтах, о дверях, всегда открытых. Но Мэй не слушала. Она ждала.

И он появился.

Тэю. Не в доспехах — в одеянии, близком к императорскому, но проще. Белый шёлк, серебряная вышивка, пояс с печатью дворца Судьбы. Он двигался не спеша, и толпа расступалась сама, словно воздух не выдерживал его присутствия.

— Глава школы, как всегда, проницателен, — голос Тэю был тихим, но дошёл до каждого. — Я присоединяюсь к его словам. Ваш путь будет тернистым. Оставайтесь верны себе.

Он перечислил принятых в дворец Судьба — двух выпускников. Крики радости, слёзы, объятия. Мэй смотрела и чувствовала зависть — не злую, нет. Жадную. Она хотела быть там, наверху, рядом с ним. Не как жена — как равная.

Как воин. Как кто-то.

— Что касается тех, кто прошёл испытание, — голос Тэю изменился, стал личным. Он смотрел прямо на неё, сквозь толпу, сквозь расстояние. — Вы готовы назвать избранного?

Мэй оглянулась. Шиу кивнул — резко, решительно. Сию — мягче, с улыбкой. Лешиу где-то в толпе подмигнул. Наставник Е стоял в стороне, и его глаза сказали всё, что нужно.

Она встала. Голос дрожал, но слова были чёткими:

— От нашей команды — я. Мэй, клан Персика.

Тэю улыбнулся. Не той улыбкой, что у пруда — другой. Официальной, но с чем-то внутри. Чем-то, что она не могла назвать.

— Тогда увидимся во дворце императора. Через неделю.

Он исчез — не материализовался, а просто стал невидим, словно свет поглотил его. Но перед этим — мгновение, долю секунды — его взгляд встретился с взглядом наставника Е. Что-то прошло между ними, что-то, чего Мэй не поняла.

Беседка на островке пруда была уединённой. Лотосы цвели — поздно, неестественно, словно для них время текло иначе.

— Мэй, — наставник Е начал первым, не давая ей задать вопрос. — Ты знакома с Богом Войны?

Она вздрогнула. Потом рассмеялась — слишком громко, слишком быстро.

— Что вы! Я — дух персикового дерева. Где я могла с ним познакомиться?

— Но ты всегда хотела во Дворец Судьбы. Из-за него?

— Нет, учитель, я...

— Мэй. — он перебил мягко, но твёрдо. — Это опасные мечты. Он — старший сын императора. Даже если трон перейдёт к младшему, это не меняет его статуса. И не делает тебя... подходящей.

— Считаете, я недостойна?

— Считаю, что ты будешь страдать.

Мэй замерла. Ветер тронул лотосы, и лепестки упали на воду, кружась, тонув.

— Не переживайте, — она сказала наконец, и голос был ровным, почти чужим. — У меня есть цели. И это — не стать его женой.

Наставник Е посмотрел на неё — долго, пристально. Потом кивнул:

— Хорошо. Тогда — к делу. Испытание будет в Зеркале Судьбы. Ты войдёшь в измерение, которое создаст для тебя зеркало. Что там — не знает никто, даже император.

— Значит, готовиться бессмысленно?

— Готовиться можно только одним — культивировать. Совершенствовать ци. — он встал, подошёл к ней ближе. — Все десять участников войдут вместе, но победит тот, кто первым вернётся. Играет время.

— Кто конкуренты?

— Две выпускницы Школы Целомудрия — с тысячелетней культивацией. Ученик Дома Кинжалов. Два духа с горы

Таобо. Три ученика Высшей школы печатей. Богиня из семьи бабочек. И ты.

— У меня нет шансов в прямом бою.

— У каждого своё испытание. Тебе нужно завершить своё. Быстрее других.

Мэй кивнула. В груди уже горело — не страх, нет. Желание.

— На эту неделю я отведу тебя в место для культивации, — наставник протянул руку. — Никто не побеспокоит. Полная концентрация.

Она взяла его запястье — тёплое, живое, настоящее. Печать активировалась, мир исчез.

Вершина скалы была выше облаков.

Мэй стояла, глядя вдаль — ничего, кроме белых волн и далёких гор, торчащих, словно острова в море. Ветер был резким, холодным, лишённым запахов. Чистый.

— Где мы? — её голос уносило прочь.

— Здесь время течёт иначе, — наставник Е уже отходил, его фигура мерцала. — Шесть дней здесь — шесть часов в мире. Освободи разум. Поза Лотоса. Поглощай энергию.

— Учитель, — она остановила его. — Почему вы так помогаете мне?

Он замер. Не обернулся.

— Потому что вижу в тебе то, чего не вижу в других, — голос был едва слышен.

И исчез.

Мэй села на камень, скрестила ноги. Поза Лотоса — естественная, как дыхание. Она закрыла глаза, и вокруг неё возник круг из печатей — золотых, пульсирующих, зовущих энергию мира.

Тэю, — подумала она, прежде чем отпустить мысль.

Нет. Не он. Я сама. Моя цель. Мой путь.

Она сделала глубокий вдох, и энергия хлынула — холодная, острая, как горный ветер. Заполняла меридианы, омывала кости, собиралась в груди, там, где дремал огонь.

Мэй отпустила всё. Страх, сомнения, мечты о недостижимом. Осталась только культивация. Только рост.

Шесть дней. Тысяча лет впереди.

Она была готова.

Глава 8: Камень Пробуждения

Наставник Е появился без предупреждения — не материализовался, а вырос из воздуха, словно сама гора его родила. Он стоял молча, глядя на Мэй, и его глаза — те самые, уставшие, улыбающиеся — были серьёзными. Слишком серьёзными.

Она сидела на камне, поза Лотоса не нарушена, но что-то в ней изменилось. Не выросла физически — нет. Но внутри. Словно за эти шесть дней она прожила десятки лет, сжатых в одно мгновение культивации.

— Как чувствуешь себя? — голос наставника был тихим, почти шёпотом, словно громкий звук мог развеять концен-

трацию.

Мэй открыла глаза.

Они блеснули — не отражением света, нет. Изнутри. Золотым, тёплым, чуждым. Она сама удивилась, моргнув, и блеск исчез, но след остался. Что-то новое. Что-то старое.

— Поэтому вы такой сильный учитель? — она улыбнулась, пытаясь разрядить напряжение. — Здесь культивируют только огненные?

— Здесь культивируют только обладатели стихии огня, — он не улыбнулся в ответ. — Ты знаешь, что это сильнейшая стихия.

— Вот как, — она встала, разминая затёкшие ноги. — Тогда спасибо. Я чувствую себя... переполненной. Словно выпила океан.

— Это хорошо, — наставник протянул руку. — Я перенесу нас прямо во дворец. Ты готова?

Мэй посмотрела на горы, на облака, на чистое небо, которое было её единственной компанией шесть дней. Потом кивнула и взяла его за запястье — тёплое, живое, настоящее.

Свет.

Мир вернулся резко — шум, запахи, тысячи глаз.

Мэй открыла глаза и замерла. Перед ней — Смотритель Императорского Дворца в золотых доспехах, Главы Школ в парадных мантиях, толпа учеников, пришедших посмотреть на состязание. Она продолжала держать наставника за руку, пальцы впились в его запястье, словно он был якорем в этом

море людей.

— Мэй, — голос Тэю был рядом.

Она обернулась. Он стоял в шаге, в одеянии, близком к императорскому, но проще — все тот же белый шёлк, серебряная вышивка, печать дворца Судьбы на поясе. И смотрел на её руку. На руку, что всё ещё сжимала запястье наставника.

Она отпустила. Быстро, неуклюже, щёки залились румянцем.

— Так как последний участник прибыл, — голос Тэю стал громким, церемониальным, — приготовьтесь войти во дворец. Поприветствуйте императора.

Все выстроились в две колонны. Мэй шла рядом с наставником Е, но он отступил на шаг позади, и она осталась одна — среди девушек из Школы Целомудрия, ученика Дома Кинжалов, духов с горы Таобо. Все старше её. Все сильнее — казалось бы.

Зал императора поглотил их светом.

Не солнечным — магическим. Тысячи свечений, плавающих в воздухе, отражаясь в полированном мраморе пола. Самые могущественные боги этого мира стояли вдоль стен, верховные советники — на возвышении, а на троне, выше всех, восседали они.

Император. Императрица. Золото и белый шёлк, венцы из звёздного металла, лица — маски совершенства.

Мэй поклонилась вместе со всеми, не отрывая глаз от по-

ла. Когда разрешили встать, она наконец подняла голову.

Тэю стоял слева от трона — как и положено старшему сыну. А справа...

Мэй застыла.

Сидел он. Младший сын, тот, кто сегодня унаследует трон. Тот, кого она знала в чёрной маске на празднике фонарей. Тот, кто сражался с ней бок о бок против демонических псов. Тот, кто говорил: «Если выиграешь — узнаешь моё имя».

Император Хону.

Он смотрел на неё. Не удивлённо — нет, он знал, что она придёт. С насмешкой склонил голову на бок, словно говоря: «Я же говорил». И в его серебристых глазах — те самые, что смотрели на неё сквозь маску, — читалось что-то новое. Не дружелюбие. Оценка. Словно он впервые видел её настоящую.

Мэй забыла дышать. Сердце колотилось в горле, в висках, в пальцах. Она вспомнила Шиу, его меч, угрозу, которую он бросил этому человеку. Богу. Императору.

Страх парализовал её — не за себя. За Шиу. За клан. За всех, кого любила.

Император встал. Все последовали его примеру.

— Вы — молодые ученики, — его голос был молодым, неожиданно живым для трона. — Боретесь не просто за культивацию. За право быть богами. За честь занять один из дворцов. Тэю, — он не обернулся к сыну. — Расскажи дета-

ли.

— Я говорил вам уже ранее испытание будет проходить в зеркале судьбы. Что вас там ждет. Покажет судьба. Первый кто пройдет испытание и вернется на площадь славы и получит приз. Камень будет возвышаться на алтаре. Первый кто его коснется, тот и будет его владельцем. Затем все участники будут приглашены на пир и коронацию принимающего власть Императора Хону.

Зал Зеркала был тёмным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.